

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А.Н. КОСЫГИНА
(ТЕХНОЛОГИИ. ДИЗАЙН. ИСКУССТВО)»**

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЛИНГВИСТИКИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

**КАФЕДРА ЛИНГВИСТИКИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
ИНСТИТУТА СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Выпуск 2(6)

**Москва
15 ноября 2017 г.**

УДК 81
А-43

Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации: Сборник материалов научно-практической конференции кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Института славянской культуры. Выпуск 2(6). - М.: ФГБОУ ВО «РГУ им. А.Н. Косыгина», 2018. – 99 с.

Сборник представляет собой материалы научно-практической конференции, ежегодно проводящейся кафедрой лингвистики и МКК. Данная конференция проходит в виде обмена опытом и мнениями о различных аспектах теории языка, межкультурной коммуникации, лингвокультурологии и методики преподавания иностранных языков преподавателей и студентов кафедры лингвистики. Работы преподавателей и студентов старших курсов являются полноценными научными исследованиями, а работы студентов первого курса – лишь первый этап в формировании компетенций в сфере научного анализа. Тем не менее, конференция зарекомендовала себя как продуктивный процесс передачи знаний и опыта разных поколений.

Редакционная коллегия:

Дворниченко Е.В., кандидат исторических наук, доцент;

Склизкова Е.В., кандидат культурологии, доцент

ISBN 978-5-87055- 614-7

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», 2018

© Коллектив авторов, 2018

© Обложка. Дизайн. Николаева Н.А., 2018

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вступительное слово</i>	5
1. Лингвистика, теория языка и лингводидактика	6
1. Федотова Я. В. (гр. СКЛ-116) <i>Бытование кельтских языков в современном мире</i>	6
2. Гришина А.Ю. (гр. СКЛ-116) <i>Эмоционально маркированные лексические средства в политическом дис- курсе</i>	9
3. Руснак Е.О.(гр. СКЛз-113) <i>Эллиптические конструкции в заголовках британской качественной прес- сы</i>	13
4. Санкавец А. Н. (гр. СКЛз-116) <i>Фразеологический аспект речи в контексте его прагматики</i>	17
5. Кононова А.Д., Рябова В.А.(гр. СКЛ-117) <i>Влияние сленга на речевую культуру</i>	19
6. Пристайович (Варфоломеева) Е.Ю. (гр. СКЛз-113) <i>Национально-культурная специфика обращений в современном испанском языке</i>	24
7. Дзилихова Б.В., Попович О.Ю. (гр. СКЛз-113) <i>О некоторых тенденциях развития современной испанской разговорной речи</i>	27
8. Эззеддин А. (гр. СКЛу-116) <i>Intercultural communication through translation</i>	33
9. Наприенко А.А. (гр. СКЛ-116) <i>Опыт прочтения стихотворения У. Блейка «Тигр» с помощью метода медленного чтения</i>	35
10. Имашева О.А., ст. преп. <i>Формирование устойчивых лексических навыков и умений в процессе обу- чения</i>	39
11. Мутовкина Е.В., преп. <i>Bilingualism in the process of inculturation</i>	45
2. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация	50
12. Дворниченко Е.В., доц., к.н. <i>«Сонеты к картинам» Д.Г.Россетти в контексте междискурсивного взаимодействия</i>	50
13. Береснева Ж.А., доц. каф. Славяноведения и культурологии <i>Путешествие как форма диалога культур (на примере жанровых особен- ностей русского литературного путешествия)</i>	56
14. Фуражева Н.С., доц., к.н. <i>Культура детского дворянского письма в России второй половины XVIII– первой половины XIX века</i>	62

15. Склизкова Е.В., доц., к.н. <i>Вторичная мифологическая реальность в семантико-прагматическом аспекте</i>	68
16. Пивцаева А.А. (гр. СКЛ-116) <i>Гобелен Байе как источник лингвокультурной информации</i>	79
17. Коненкова А.К., проф., к.н., зав. каф. общего и славянского искусствознания <i>Цветочный орнамент в костюме южных славян как изобразительный язык межкультурной коммуникации</i>	84
18. Пак Е.С., доц., к.н. <i>Истоки формирования амбивалентного имиджа России в Европе (на примере взаимодействия с Испанией в начале XX в.)</i>	88
19. Рыбакова Е.Е., ст. преп. каф. иностранных языков (МТУ МИРЭА) <i>К вопросу о диалоге испанской и английской лингвокультур</i>	94

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Данный сборник представляет собой материалы докладов ежегодной межвузовской научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации» кафедры лингвистики и МКК Института славянской культуры «РГУ им. А.Н. Косыгина», проведенной в рамках юбилейного года, - двадцатипятилетия Государственной академии славянской культуры (ИСК).

Конференция является междисциплинарной и смешанной по составу участников, преподавателей и студентов. Языки конференции: русский, английский. Тематика докладов касается различных аспектов теории языка, вопросов теории культуры и лингвокультурологии, проблем межкультурной коммуникации, перспектив методики преподавания иностранных языков и культур.

В рамках данной конференции акцент был сделан на лингвистический и культурологический аспекты, что отражено в делении сборника на подразделы. Статьи представляют собой результаты научных исследований в рамках приоритетных направлений кафедры и предварительного этапа научной работы студентов.

Студенты первого курса делают компилятивные работы, и основной задачей для них является правильная постановка цели и задач, а также формулировка выводов. Второй курс выбирает тематику, исходя из уже полученного опыта и своих интересов, смежную с тематикой курсовых работ и рефератов по изучаемым дисциплинам. Таким образом, доклады являются неотъемлемой частью учебного процесса, отражают особенности выпускающей кафедры лингвистики и МКК и формируют базу для научной школы.

1. ЛИНГВИСТИКА, ТЕОРИЯ ЯЗЫКА И ЛИНГВОДИДАКТИКА

Яна Владимировна Федотова,
студентка второго курса очного отделения,
научный руководитель: к.н., доц. Дворниченко Е.В.

О БЫТОВАНИИ КЕЛЬТСКИХ ЯЗЫКОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ON THE EXISTENCE OF THE CELTIC LANGUAGES IN THE CONTEMPORARY WORLD

Abstract: *Celtic languages always were an interesting topic for linguistics studies but, nowadays, it is important to observe their existence, development and preservation in contemporary, deeply changed world in a situation of English language domination.*

Keywords: *actual situation, Celtic languages, Celtic language revival.*

В современном мире принято считать одним из международных языков – английский язык. При первом приближении к изучению английского языка возникает ощущение, что на Британских островах доминирует только британский английский. Зачастую считают, что языки кельтской группы вымерли, но это ошибка. Помимо английского языка, на Британских островах существуют и практикуются ирландский и шотландский, и валлийский языки, входящие в группу кельтских языков. Английский язык – язык-макро-посредник, остальные – микро-посредники. Языки-микро-посредники утратили свои позиции, но это не значит, что они вымерли.

Кельтская группа языков принадлежит к индоевропейской семье языков. В настоящее время кельтские языки распространены на западе Европы: ирландский язык в Ирландии, валлийский и шотландский – в Великобритании, бретонский язык – во Франции. Традиционно кельтские языки подразделяются на континентальные (кельтиберский, галльский, лепонтийский) и островные (ирландский, мэнский, шотландский, входящие в гойдельскую ветвь, и валлийский, бретонский, корнский, образующие бриттскую ветвь). Это деление основано на географическом принципе [2, с. 45 - 47]. По времени фиксации и некоторым типологическим параметрам островные кельтские языки относят кновокельтским, а континентальные – древнекельтским языкам.

Географической классификации часто противопоставляется деление на Р-языки (бриттские, лепонтийский и, частично, галльский) и Q-языки (гойдельские, вымершие кельтиберский и, частично, галльский). Гипотеза базируется на развитие звука k^w , существовавшего в протокельтском языке, в Р либо К [2].

Древние кельтские языки (в первую очередь, континентальные) по своей лингвистической характеристике весьма близки к другим древним индоевропейским языкам, таким как латинский и древнегреческий.

Новокельтские (островные), напротив, являют ряд черт, нехарактерных не только для языков Европы, но и для индоевропейских языков вообще. Среди этих признаков можно отметить следующие: базовый порядок VSO, развитие сложных систем начальных чередований согласных (мутаций), появление спрягаемых предлогов [1, с. 391].

С точки зрения фонетики, важнейшей из мутаций является лениция. Лениция (*lenis*) – ослабление трения или мутация согласных звуков, находящихся в интервокальной позиции, то есть между двумя гласными [1, с. 389]. В кельтологии леницией называют изменение начальных согласных слова в различных морфологических и синтаксических условиях. По морфологическому типу среди кельтских языков можно выделить как аналитические (валлийский, бретонский, ирландский, шотландский), так и синтетические (галльский, кельтиберийский, лепотинский, древнеирландский) языки.

Рассмотрим современное положение самых известных языков кельтской группы: ирландский и шотландский языки, которые занимают свое место в Соединенном королевстве в качестве языки-микро-посредники.

Ирландский язык подвергся изменению в 1921 году, когда Ирландия была разделена на два государства: Республика Ирландия и Северная Ирландия. Республика Ирландия продемонстрировала приверженность к языку и приняла меры возрождения ирландского как родного языка. Цель была не только сохранить язык, но и развить его в тех областях, где язык исчез. Области, где ирландцы все еще были носителями своего языка назывались *Gaeltacht*. Эти области являются экономически менее развитыми в стране. Сегодня в *Gaeltacht* насчитывается 96628 людей, из них 66238 человек способны говорить на ирландском языке свободно.

Количество людей, которые используют ирландский язык, увеличивается с каждым годом. Ирландский язык был признан официальным языком государства в 1937 году. В 1950-е и 1960-е годы развитие языка было упорядочено в системе известной как «Официальный стандарт». Эта система, основанная на трех диалектах, преподается в школах.

Сегодня на ирландском языке (как разговорном) говорят около 60000 человек, а на шотландском языке – около 70000 человек. Но в последнее время наблюдается рост интереса к ирландскому языку, который постепенно завоевывает и официальные позиции. 13 июня 2005 года принято решение о включении ирландского языка в число рабочих языков Европейского союза, вступившее в силу с 1 января 2007 года.

Существует и другая тенденция – защита национальной культуры путем сохранения национального языка. Так, 31 марта 2005 года в Ирландии вступил в силу закон, запрещающий использование английского языка

на картах, дорожных знаках и других официальных знаках в западных регионах страны. Более того, все государственные служащие обязаны использовать ирландский язык в деловой переписке.

Отношение к шотландскому и валлийскому языкам в Соединенном королевстве всегда было мягче, и возрождение шотландского языка относится к 1960-м годам.

Примерно тогда же было организовано так называемое «Общество валлийского языка», сторонники возрождения шотландской и валлийской культурной идентичности требовали сохранить культурное наследие этих регионов, своеобразие которого зиждилось на особенностях кельтских языков. Так, члены общества основали местную одноязычную почтовую службу, на радио ставились пьесы на шотландском языке, почти сразу же возникли требования проводить телевизионные трансляции на шотландском языке. Без усилий данного общества, шотландский язык не мог бы сохраниться. В отличие от ирландского языка, чья современная лексика еще не стабильна, шотландский язык имеет лексический стандарт, как и другие современные языки.

Что происходит с языками за пределами Ирландии и Шотландии? В силу исторических обстоятельств (соседство с активными экспансивными культурами, например, английской или французской, отсутствие литургии и перевода религиозных сочинений на эти языки, целенаправленная политика британского правительства по искоренению шотландской и ирландской культур), малочисленности носителей кельтских языков некоторые из этих языков исчезли вовсе, а другие сохранились, но в весьма ограниченном ареале.

Однако с середины XIX в. (так называемый период историзма в культуре, время поиска истоков национальных культур, определения культурной и национальной идентичности) возникает и укрепляется интерес к этим языкам как к инструментам сохранения культуры (прежде всего, ирландской и шотландской, но также, например, бретонской во Франции). Именно на этом фоне изучаются кельтские языки в университетах, характерно, что такие престижные североамериканские университеты, как Гарвардский или Беркли, открыли кафедры кельтских языков.

Начинается радиовещание на кельтских языках. Уже в 1923 г. появляются первые радиопередачи на шотландском языке (проповеди), а с 1933 г. выходят регулярные программы светского содержания (Sgeulach danagus Oran («Stories and songs») и театральные пьесы). В 1976 г. открывается BBC Radio Highland, а в 1979 г. и 1985 г. – Radio nan Eilean и Radio nan Gaidheal соответственно. С 1977 г. BBC открывает вещание на валлийском языке (BBC Radio Wales – с 1978, BBC Radio Cymru) [4, с. 220].

В конце XX в. – начале XXI в. кельтские языки возвращаются в школы (что раньше запрещалось или, по крайней мере, не приветствовалось), в последние 25-30 лет открываются школы с изучением редких языков. На-

пример, в 2010 г. открылась школа с изучением корнского (корнуэльского) языка в Корнуэлле, есть радиопередачи на корнском языке (BBC Cornwall).

Таким образом, кельтские языки все еще актуальны в наше время. И в Соединенном королевстве шансы на выживание и развитие у кельтских языков достаточно высоки. Люди продолжают изучать эти языки не только на Британских островах, но и в других странах. Например, в России – во ВГБИЛ имени М.И. Рудомино - существуют курсы по изучению ирландского и шотландского языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Калыгин В.П.* Кельтские языки //Языки мира. Германские языки. Кельтские языки. М.: Academia, 2000.
2. *Калыгин В.П., Королев А. А.* Введение в кельтскую филологию. 2-е изд. М.: Наука, 1989.
3. *Льюис Г., Педерсен Х.* Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М.: УРСС, 2002.
4. *Ferdinand S.A.* Brief History of the Cornish Language, its Revival and its Current Status // E-Keltoi: Journal of Interdisciplinary Celtic Studies, 2013. Volume 2. Cultural Survival. P. 199–227.

*Анастасия Юрьевна Гришина,
студентка второго курса очного отделения,
научный руководитель: к.н., доц. Склизкова Е.В.*

ЭМОЦИОНАЛЬНО МАРКИРОВАННЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

EMOTIONALLY MARKED LANGUAGE MEANS IN THE POLITICAL DISCOURSE

***Abstract:** The language of politics is the special layer, which has its own peculiarities. The impact of language means on this sphere of life is the urgent theme as the speech of state officials influences the political views of the country. Various metaphors, idioms, neologisms usage helps to make an efficient contact between different segments of population.*

***Keywords:** idioms, language of politics, mass media, metaphorical concepts, metaphors, speech.*

Политика – это та сфера деятельности, которая всегда будет вызывать наиболее живой интерес. Пропаганда идей, борьба за расширение сферы влияния, побуждение граждан к политическим действиям – все это ложится в основу особого языкового пласта.

Язык политики, являясь подсистемой национального языка, имеет ряд особенностей. Речь первых лиц государства и тексты ведущих изданий средств массовой информации должны не только соответствовать господствующей идеологии, но и усиливать обратную связь с различными слоями населения, формировать настроения в обществе. Именно поэтому в политическом языке присутствует изобилие метафор, фразеологизмов, неологизмов, то есть средств, помогающих в достижении вышеперечисленного.

Понятийная система, в рамках которой человек действует и думает, по своей природе метафорична. Метафоры пронизывают повседневную жизнь, отражая особенности мышления. «Суть метафоры — это понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида» [2, с. 25]. Концепты, управляющие нашим мышлением, способны структурировать наше поведение и мышление. Понять, чем являются сами метафоры и в чем заключается метафоричность концепта, можно на примере романа Джорджа Оруэлла «1984» [3, с.8]. Основными лозунгами правящей партии были:

WAR IS PEACE
FREEDOM IS SLAVERY
IGNORANCE IS STRENGTH

Данные лозунги представлены некими метафорическими концептами, которые говорят не просто о войне, свободе и незнании в рамках мира, рабства и силы, они позволяют сфокусировать внимание на одном аспекте понятия, затмевая при этом другой. А именно, цель партии – заставить человека думать, что непрекращающаяся война есть наилучший способ сохранения мира; подсознательный поиск свободы есть то, что приводит к разочарованию; беспрекословное повиновение партии – сила большинства.

Именно метафоры помогают интерпретировать наш опыт, и наиболее сложное проявление этого Майкл Редди назвал «метафорой канала связи». Суть заключается в том, что «Говорящий вкладывает идеи (объекты) в слова (вместилища) и посылает их (в послании) слушателю, который вынимает идеи/объекты из слов/вместилищ» [2, с.27-33].

Относительно недавно, а именно в июне 2016 года в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии состоялся референдум по вопросу выхода из Европейского союза. 51,9% высказалось «за». Вследствие данного процесса появился новый термин Брексит (сокр. Brexit от сочетания слов англ. Britain — Британия и англ. Exit — выход). Речь, с которой выступила премьер-министр Великобритании Тереза Мэй 17 января 2017 года, является посылом стратегической важности и позволяет понять отношение главы правительства к политической, социальной и экономической ситуациям, складывающимся в государстве после выхода из Евросоюза.

Проанализировав речь, можно отметить тот факт, что понимание действительности выражается с помощью тщательно подобранных и пе-

риодически повторяющихся языковых средств. Тереза Мэй активно использует различные концепты для разъяснения позиции и обрисовки обстановки.

Премьер-министр отметила, что для нее главная задача состоит в том, чтобы «заключить справедливую сделку» для Великобритании с Евросоюзом. Используя достаточно часто слова *market*, *deal*, *negotiations*, *trade*, политик обозначила свою роль как бизнес-леди, которая готова вступить в переговоры за выгодный контракт [4]. Таким образом, можно выделить метафорическую модель *Брексит – это торговая сделка*.

Перейдя к фразеологизмам, стоит отметить, что сила воздействия информации, передающейся в СМИ, речи, произносимой политиками, во многом зависит от правильности и точности употребления фразеологических единиц. Политическая фразеология – живой, однако малоисследованный пласт. Фразеологические единицы – это готовые языковые образования, противопоставленные свободным синтаксическим словосочетаниям [1, с.4].

Одна из последних статей британского издания *The Independent* «There's only one way out of the Russia probe for Donald Trump before he's forced to quit» от 31.10.2017 может замечательным образом доказать тот факт, что освещение событий политики невозможно без использования ярких языковых средств. Посредством слов можно заставить массы кардинально изменить свое мнение.

Рейтинг нынешнего президента США Дональда Трампа на данный момент оставляет желать лучшего. Отношение к главе государства, критика его политики – все это отражено в СМИ и продемонстрировано с помощью идиом.

1) *Dodgy dealing* – данная идиома может быть переведена как «жуликоватая сделка», в зависимости от контекста может быть интерпретирована иначе, но основной смысл ясен.

«The formal explanation for his agony came a day later with the first concrete results of Robert Mueller's investigation into his campaign's *dodgy dealings* with the Russians».

2) *Money laundering* – отмывание денег
«By conventional standards, foreign policy adviser George Papadopoulos's plea of guilty (lying to the Feds), and charges of *money laundering* denied by one-time campaign chief Paul Manafort and his business partner Rick Gates, are sensational».

В данных идиомах отражается некий экономический аспект, который выходит за рамки закона.

3) *Throw up smokescreens* данное выражение, использованное в статье, имеет русский аналог «выпускать дымовую завесу».

«Hoping to create a Russian riddle wrapped in a mystery inside an enigma, Trump will *throw up smokescreens*».

4) *Hold one's tongue* – держать язык за зубами
«He could shut up in the hope that Mueller, having nothing more lethal up his sleeve, was using yesterday's charges as a bluff. But they almost certainly weren't, and Trump isn't well suited to *holding his tongue*».

5) *Black ops* – «темные» дела, в значении незаконной деятельности
«I have studied Murdoch's *black ops* intently for 30 years, but this whoring out of a great and dignified newspaper seriously shocks me».

6) *Doppelganger* – быть похожим, как две капли воды
«You may remember it from a Doctor Who story involving that Murdoch *doppelganger*, Davros – or from Benedict Cumberbatch's Marvel Universe debut as Doctor Strange» [5].

Следующие идиомы, относящиеся к разговорной сфере, формируют наиболее четкое понимание происходящего, помогают сформировать правильный образ, который автор статьи пытается донести до своего читателя.

Помимо идиоматических выражений, статья наполнена множеством метафор, что, безусловно, выводит ее на первые полосы известных изданий.

Таким образом, речь – это основное оружие не только тех, кто вершит власть, но и каждого человека в целом. Понимание концептов, управляющих нашим мышлением, метафор и фразеологизмов, может не только помочь не попасться в сети искусно завуалированных фраз, но и самим достичь статуса мастера слова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.
3. Оруэлл Дж. 1984: книга для чтения на английском языке. СПб.: КАРО, 2016.
4. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2017/01/17/theresa-mays-brexit-speech-full/> (дата обращения: 17.01.2017).
5. URL: <http://www.independent.co.uk/voices/donald-trump-russia-investigation-probe-robert-mueller-fake-news-rupert-murdoch-facts-us-president-a8029561.html> (дата выхода: 31.10.2017).

*Екатерина Олеговна Руснак,
студентка пятого курса заочного отделения,
научный руководитель: к.н., доц. Склизкова Е.В.,
к.н., доц. Дворниченко Е.В.*

ЭЛЛИПТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В ЗАГОЛОВКАХ БРИТАНСКОЙ КАЧЕСТВЕННОЙ ПРЕССЫ

ELLIPTICAL CONSTRUCTION IN THE TITLES OF BRITISH MASS-MEDIA

Abstract: *The article emphasizes the main difficulties of comprehension and translation of typical titles in British mass-media. The question of ellipsis, word order violation is also examined.*

Keywords: *difficulties of translation, ellipsis, mass-media, news, omission of article, omission of verbs.*

Всемирно известное новостное издание «The Times» имеет непосредственное отношение к появлению такого термина как четвертая власть. Газета начала свою деятельность еще в XVIII веке, однако, в нашем исследовании мы рассмотрим ее публикации двадцать первого столетия. Необходимо отметить, что с начала 90-ых годов данное издание является активным участником информационных войн. На интернет-сайте новостного издания можно увидеть, что оно включает в себя все новости Британии, Ирландии и Шотландии.

Все информационные сообщения распределены по пятнадцати рубрикам, которые имеют разнонаправленный характер содержания, и потому заслуживают более внимательного рассмотрения. Интернет-издания публикуют наиболее важные новости данных рубрик за последние сутки на своей главной странице.

В настоящее время аудитория The Times составляет более 644 млн. человек из 100 стран мира, и охватывает более двадцати восьми процентов подписчиков со всего мира. Вместе с тем основной акцент в своей деятельности The Times делает на объективную оценку и освещение событий, которым не уделили внимание другие мировые новостные издания. С другой стороны, в какой-то степени это ширма для продвижения официальной позиции Лондона. Таким образом, The Times менялись вслед за возникающими реалиями, оставаясь популярным изданием у читателей

В данной статье мы рассмотрим эллиптические конструкции в заголовках новостного издания The Times, а также определим особенности передачи их значения при переводе на русский язык. Так как для заголовка английских газет характерны лаконичность, краткость и стремление к экономии языковых средств, то использование такой стилистической фигуры

как эллипсис является его основной чертой. Опускаться могут различные части речи и члены предложения: артикль, глагол to be, подлежащее, сказуемое или вводный глагол при наличии цитаты.

Для того чтобы акцентировать внимание читателей на основной мысли новостного сообщения чаще всего опускается глагол to be, что позволяет стать заголовку более информативным. Стоит отметить, что в русском языке не существует аналога подобному явлению, именно поэтому при переводе необходимо определить форму пассива в оригинале, чтобы не перепутать его с другими формами глагола.

В качестве примера выступает заголовок «Germans Taught Royal Etiquette», который переводится как: «Немцам преподали королевский этикет», и в котором глагол to be должен был бы стоять после подлежащего. В таком случае предложение имело бы следующий вид: Germans were taught royal etiquette.

Однако в оригинальном варианте Germans taught можно принять за активный залог и перевести на русский язык как немцы преподали (кому-то). А смысл этого заголовка станет понятен читателям только после ознакомления со статьей.

В английских заголовках такой прием можно встретить достаточно часто, и приведенный выше пример ярко иллюстрирует это явление. Другой заголовок «Thousands of Holidays Unsold» переводится на русский язык как «Тысячи путевок не проданы». В данном случае глагол to be пропущен после подлежащего holidays, однако это опущение не меняет смысла всего предложения, делая его емким и раскрывающим содержание статьи.

Для того чтобы сделать заголовок новостного издания более выразительным используется прием опущения артикля, который сохраняется только в том случае, если его отсутствие приведет к неадекватной интерпретации смысла предложения. В русском языке также не существует аналога опущения артикля, так как категория определенности/неопределенности в нашем языке выражается в рамках лексического значения.

В заголовке «Buttler Could be Best Catch», «Батлер может быть лучшим защитником», можно отметить опущение определенного артикля the, который всегда употребляется перед прилагательным best, однако его отсутствие не позволит читателю неправильно трактовать смысл предложения, и именно по этой причине его можно опустить.

Другой иллюстрацией данного явления служит заголовок «End of the Road for the Lane Hogger?», который переводится как «Конец дороги для нарушителя?». Здесь согласно грамматическим правилам, верной была бы постановка определенного артикля the перед существительным end. Однако в данном случае использование эллипсиса обусловлено не только стремлением к лаконичной форме заголовка, но и желанием избежать троекратного повторения артикля the. Стоит отметить, что проведенный

нами анализ заголовков англоязычной прессы демонстрирует, что опущение артиклей в большей степени характерно именно для новостных заголовков, а в заголовках статей, не включающих в себя оперативную информацию, артикли чаще всего не опускаются.

Например, в заголовке «The Church that will Never Let the Devil Take Control», перевод которого «Церковь, которая никогда не позволит дьяволу взять над собой контроль», артикль сохранен.

Когда сказуемое в предложении выполняет второстепенную роль, то в заголовке его можно опустить. Так, в заголовке «Golden Shot for British Teenager», который переводится как: «Золотой выстрел для британского подростка», после подлежащего shot могло бы быть сказуемое is made с предлогом by. В этом случае перевод выглядел бы следующим образом: «Золотой выстрел произведен британским подростком». Однако для передачи смысла предложения и содержания статьи не возникает необходимости в использовании сказуемого. Таким образом, отсутствие сказуемого придает заголовку более динамичный оттенок, который отвечает содержанию и характеру статьи.

В заголовке следующей статьи «Royal Approval for Young Leader's Africa Mission», который переводится как «Королевское поощрение молодых миссионеров в Африке», также пропущено сказуемое is made. Как и в вышерассмотренном примере, в использовании данного сказуемого здесь нет необходимости, так смысл предложения и так будет достаточно понятным.

Определенную трудность представляет перевод заголовков, в которых есть глагольное сказуемое, но отсутствует подлежащее. В подобных случаях подлежащее необходимо восстанавливать, принимая во внимание содержание статьи. Например, в заголовке «Many Killed in Aleppo as Fierce Fighting Shatters Syria's Fragile Truce», который переводится как «В ожесточенных боях, разрушающих хрупкое перемирие, в Алеппо погибло много людей» отсутствует подлежащее people. Здесь слово many имеет перевод «много» и не является подлежащим, однако оно также может переводиться на русский язык как «многие». Тогда речь бы шла об опущении перед ним артикля the, а не о пропуске подлежащего, так как оно было бы подлежащим. Так как наиболее употребляемой является конструкция many people, а не конструкция the many, то мы рассматриваем этот заголовок в качестве примера опущения подлежащего. Грамматически верная конструкция этого предложения должна иметь следующий вид: «Many people are killed in Aleppo as fierce fighting shatters Syria's fragile truce». Так, можно отметить, что здесь пропущен глагол to be в форме пассивного залога, но это опущение является второстепенным.

Довольно часто в текстах заголовках встречаются цитаты, которые могут быть выражены как косвенной, так и прямой речью. В таких случаях опущение глагола, вводящего цитируемое высказывание, служит для эко-

номии пространства, в тоже время, делая заголовок более информативным и емким. В подобных заголовках указывается только имя автора и цитата. Например, «Chris Evans: My other Job is a Ferrari Dealer» переводится как «Крис Эванс: Моя другая профессия — это торговец «Феррари»», а заголовок «Zara: I'm Lucky to be a «Normal» Royal» переводится как «Зара: Мне повезло быть членом королевской семьи».

Как видно после имени автора цитаты намеренно пропускают вводный глагол to say. В заголовках английских СМИ такой прием встречается довольно часто и не вызывает никаких трудностей при переводе, так как имеет аналог в русскоязычных новостных изданиях. Пропуск вводящего глагола не препятствует адекватному пониманию смысла предложения, но позволяет быстрее донести информацию до аудитории.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что содержательная функция эллипсиса состоит в создании эффекта небрежности и некоторой недосказанности с целью придания речи наибольшей динамичности. Изучение теоретических основ процессов создания эллипсисов в СМИ демонстрирует, что проблемы появления у предложений эллиптических свойств сейчас весьма актуальны и находятся в центре внимания целого ряда лингвистов.

Однако сам процесс реализации эллипсисов на страницах публицистических изданий изучен недостаточно, и именно поэтому представляется немаловажным для развития лексикологии исследование такого оценочного свойства заголовков.

Все эллиптические конструкции характеризуются наличием общих и смежных морфологических, семантических и стилистических свойств, но основной смысл в их применении заключается в привлечении внимания потенциального читателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеева И.С.* Введение в переводоведение. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004.
2. *Дубенец Э.М.* Лингвистические изменения в современном английском языке. М.: Глосса-Пресс, 2003.
3. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990.
4. *Merchant J.* The syntax of silence: Sluicing, islands and the theory of ellipsis. Oxford: Oxford University Press, 2001.
5. *Toner A.* Ellipsis in English literature: Signs of Omission. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

*Александр Николаевич Санкавец,
студент второго курса заочного отделения,
научный руководитель: к.н., доц. Склизкова Е.В.*

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕЧИ В КОНТЕКСТЕ ЕГО ПРАГМАТИКИ

IDEOMATIC ASPECT OF SPEECH IN ITS PRAGMATIC CONTEXT

***Abstract:** Idiom, idiomatic expression, figure of speech is a stable set of words, which usually could not be accurately translated based on its individual components. Any culture has its own collection of idioms. Thus, among foreigners may be difficulties of interpretation and understanding. It is reflected in the expression «untranslatable play of words».*

***Keywords:** culture, idioms, imagery, intercultural communication, linguistics, phraseology, speech, symbolism.*

Во всей многолетней истории развития языка его неотъемлемой частью являются идиомы. Хотя проводить относительно полную их классификацию по разным критериям (притчи, пословицы, поговорки, фразеологизмы и др.), отмечая при этом их важность и значение, стали не так давно - только с XVIII века. В частности, занимаясь подготовкой подробного плана словаря русского литературного языка, Михаил Ломоносов отметил, что в состав словаря должны быть обязательно внесены «речения, идиоматизмы и фразесы» [3, с.11-21], так называемые фигуры речи, выражения.

Окончательное построение начальной базы дальнейшего изучения речевых оборотов и фразеологизмов в русском литературном языке связывают с именем академика В.В. Виноградова [1, с.28], ведь именно ему принадлежит самая первая классификация фразеологизмов по их семантической слитности, которая открывает путь для последующего изучения фразеологизмов. Поэтому сегодня с его именем связывают возникновение и развитие фразеологии как одного из важных аспектов лингвистики. И сегодня эта наука по-прежнему развивается, изучая не только истоки возникновения определенных речевых оборотов в прошлом, но также принципы возникновения и построения идиом в повседневной жизни.

По своей структуре и смыслу фразеологизмы представляют собой, в первую очередь, лексические сращения. Они также по своему составу наделены абсолютной лексической и грамматической неделимостью – то есть, их дробление несет в себе полную утрату смысла. Идиомы как часть речи могут означать признак, понятие, качество, состояние, явление, – и поэтому они довольно часто являются синонимичными далеким по смыслу словам.

Идиома (или же так называемое «фразеологическое сращение») является собой целый фразеологический оборот, название которого заимствовано из греческого языка (*idios* – собственный). Целостное значение идиомы совершенно не соотносимо со значениями его компонентов. Именно идиомы имеют в себе высший уровень семантической слитности – которая обуславливается как наличием в своем составе устаревших, и как следствие, малознакомых большинству слов, так и отсутствием явной синтаксической связи меж компонентами фразеологизма при наличии грамматических архаизмов.

Одним из наиболее важных признаков всех идиом представляется семантический сдвиг и образность. Рождение в речи фразеологизмов происходит не с целью названия предметов, действий, признаков, но с целью придания речи выразительности и завершенности, с целью эмоциональной характеристики уже существующих вещей/ действий/ признаков. Рождение идиом в речевой структуре происходит путем полного смыслового изменения значений свободных словосочетаний, а также с помощью метафорического переноса.

Постоянно являя собой неделимое значение, в речевой культуре фразеологизмы в отношении своего значения в целом и значений наполняющих его частей могут быть существенно отличны. В моменты сравнения фразеологизмов разных языков друг с другом нам открываются их специфические особенности.

Данное сопоставление наглядно показывает нам, что фразеология любого языка оригинальна и уникальна. Такое сравнение свидетельствует о неповторимости фразеологии каждого народа. В языковой среде формируются и отражаются общенародные идеалы, ценности, установки; находит выражение то, как люди воспринимают окружающий мир и что они о нем думают – поэтому фразеологизмы представляют собой т.н. «ключи», которые способствуют полному пониманию культуры народа.

Со времен повсеместного распространения тотемизма символизация прочно вошла в жизнь людей. Символизм предмета, действия или признака обыкновенно принимало и название данного предмета. Более ярко это было выражено в символизации животных – вследствие долгого наблюдения за животными люди стали приписывать им определенные человеческие качества. Также образ-символ, которым называли животное, формировался под влиянием различных верований. Символизм цвета также получил свое выражение во фразеологии.

Учитывая то, что у большинства народов сходное отношение к черному и белому цветам, становится очевидным то, что белый цвет означает день, также как ночь означает черный цвет. В соответствии с этим и возникли истоки связи белого цвета – «дня» - с «добром», и черного цвета – «ночи» - со «злом». Фразеологизм «белое пятно» возник с того времени, когда путешественники и картографы при составлении карт и планов ос-

тавляли «белые места», то есть неизученные, неизвестные земли и места. В список «цветовых» фразеологизмов включаются также такие, как «черное золото», «розовые очки», и многие другие [4, с.144]. Хотя не во всех языках фразеологизмы, которые связаны с цветом, будут похожи и по значению - например, французское выражение «белая ночь» буквально переводится как «ночь без сна».

Данный аспект лингвистики, а именно фразеология, достаточно объемна в связи с тем, что имеет под собой огромное культурное наследие – и соответственно развивается вместе народом, одновременно и участвуя в его развитии. Как понимание культуры народа происходит посредством понимания фразеологизмов, так составление и возникновение новых фразеологизмов существенно обогащает речевую культуру, а значит культуру и историю всего народа.

Люди, изучающие фразеологию, не только познают культуру народа, но и способствуют развитию речевой культуры, объясняя обогащение словарного запаса с помощью новых слов и понимания принципов построения фразеологизмов. Также как изучение фразеологии важно для познания культуры языка, так и наличие в речи фразеологии способствует ее развитию.

Разнообразные идиоматические выражения помогают избежать речевого застоя, и способствуют развитию как собственно речи, так и ее культурной и национальной окраске.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виноградов В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. СПб.: Союзпечать, 1977.
2. *Волгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И.* Современный русский язык. 6-е изд. М.: «Логос», 2002.
3. *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений Михаила Васильевича Ломоносова издание 1803. М.: Книга по Требованию, 2011.
4. *Молотков А.И.* Основы фразеологии русского языка. Липецк: Наука, 2008.
5. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. СПб.: Специальная литература, 1996.

*Анна Дмитриевна Кононова,
Валерия Андреевна Рябова,
студентки первого курса очного отделения,
научный руководитель: к.н., доц. Склизкова Е.В.*

ВЛИЯНИЕ СЛЕНГА НА РЕЧЕВУЮ КУЛЬТУРУ

SLANG INFLUENCE ON THE STANDARD OF SPEECH

***Abstract:** Slang is a very specific emotional and metaphorical type of a language. It is opposite to the basic vocabulary stock, serves self-expression of youth especially. But there should be links between the register and linguistic means. One should avoid unrestrained usage of it.*

***Keywords:** dialect, jargon, language, lexics, slang, variant.*

Современный язык стремительно развивается под влиянием многих факторов. Причинами столь быстрого изменения могут послужить социальные преобразования в жизни общества, исторические события в его жизни и другие факторы. Проявлением таких изменений в языке является новая лексика, а в частности появление сленга.

Одной из главных характеристик речевой культуры является этический аспект, который обязывает говорящего избегать использования сниженной и нецензурной лексики, просторечий; обращаться к собеседнику по правилам этикета, использовать подходящие языковые средства и точно выражать свои мысли. Еще в исследованиях первой половины XX века, говорилось о соответствии цели и средств для общества, которое можно считать культурным в языковом отношении [1]. Действительно, каждый человек должен соблюдать языковые нормы, чтобы быть понятым при общении, а также возыметь эффект на слушателя. Однако речь человека далеко не всегда соответствует литературной норме. Порой коммуникацию осложняют слова ограниченной сферы употребления, которые используются определенными социальными группами. Среди них выделяют:

- 1) Профессионализмы
- 2) Диалекты
- 3) Жаргоны
- 4) Арго и вульгаризмы
- 5) Сленг

Вопрос о выделении сленга в отдельную группу остается открытым до сих пор. Одни ученые считают, что сленг – это разновидность жаргона, другие, что это отдельное понятие, которое относится к социальным диалектам, или социолектам. Существует несколько положений, раскрывающих понятие сленга:

1. Сленг считается полной противоположностью литературному языку, так как сам по себе нарушает литературные нормы;

2. Сленг рассматривается как преднамеренное использование неправильных форм, так как с психологической точки зрения сленг – это продукт индивидуального самовыражения;

3. Сленг присущ отдельным социальным группам и зачастую понятен только им. Сленговые выражения имеют эмоциональную окраску, носят фамильярный или шутливый характер, а главное, сленг характерен только для устной речи.

Таким образом, сленг – это исторически сложившийся вариант языковых норм, присущий определенным социальным группам в соответствии с их статусом, возрастом, и использующийся преимущественно в устной речи.

В соответствии с этим, можно сказать, что сленг и жаргонизмы разительно отличаются. Сленг – это популярная эмоционально окрашенная лексика, имеющая фамильярный характер. Жаргон – лексика профессиональных групп, которая помогает ускорить общение и взаимопонимание.

Под влиянием современного темпа жизни молодым людям проще использовать короткое и емкое слово, нежели чем употреблять длинные и звучные слова из родной речи. Например, такие слова как «прекрасный», «восхитительный» и «потрясающий» легко можно заменить сленговыми «круто» или «клево».

Существует еще одна тенденция к заимствованию сленговых выражений из иностранных языков, а в частности из английского. С развитием Интернета у людей появился доступ ко всем точкам мира. Начался процесс активного исследования новых культур и сфер общества, а также перенимания новой лексики. Чаще всего заимствуется английская лексика. Появившись в русском языке, она активно преобразовывается. Выделяют несколько способов образования таких слов:

1. Аффикация - присоединение суффиксов и префиксов;
2. Усечение
3. Полное заимствование

Примером могут послужить слова *кул*, *кульный*, *найс*, *герл*, *герловый* образованные соответственно от английских *cool*, *nice*, *girl*; *сэнък*, *сэнъка* от *thank you*; или же полное заимствование как *хэллоу*, *гуд*, *спич*, *лайк* (*hello*, *good*, *speech*, *like*).

Появление полных заимствований из других языков чаще всего связано с обозначением предметов, которых в заимствующем языке еще нет. Например, в 2000-ых слово Интернет не склонялось вообще. Английский сленг имеет достаточно сложную структуру, но его легко отличить, если знать правописание слов. Чаще всего можно встретить сокращения слов. Темп английской речи достаточно быстрый, поэтому неко-

торые окончания или частицы проглатываются или перетекают в само слово.

Яркими примерами могут послужить такие известные сокращения как *dunno – don' know*, *gonna – going to*, *yer – yes* и т.д. Существует множество сленговых отклонений от фонетической нормы: *did ja- did you*, *g'by – good bye*, *whud daya – what do you*, *how'd – how did*, *inna- into* и т.д.

В устах англоязычной молодежи многие слова и выражения принимают иное значение. Например, обстоятельство места *all over the place* в разном контексте превращается в обстоятельство образа действия. К примеру, *all over the place – по всему месту* и *I was yawning all over the place – я раззевался вовсю*.

Интересной темой для обсуждения может послужить отличие американского английского и британского английского. Бывает так, что носители обоих вариантов не понимают друг друга. Многие одинаковые слова будут иметь разные значения в зависимости от того, кто их произносит.

Например, *bloody* в американском английском будет иметь свое прямое значение – кровавый, но в британском оно уже расценивается как ругательство. Выражение *to table something* может значить «обсудить что-либо» (брит.) или наоборот «отложить обсуждение». Такое разнообразие значений может вызывать серьезное недопонимание даже среди носителей языка.

Современный язык стремительно развивается. Литературным языком занимаются писатели, поэты и другие деятели культуры. Свой вклад в устную речь приносят обычные люди, средние слои населения, но в частности дети и молодежь. Они наполняют язык новыми словами и выражениями, их речь быстро приспосабливается к общественным, культурным и историческим изменениям. Дети и молодежь чаще всего употребляют сленг, ведь для них это в первую очередь является способом самовыражения и попыткой выделиться среди общей массы. Знание или незнание какого-либо нового, модного «словечка» часто определяет «статус» в группе детей и подростков.

Можно заметить, что активное употребление сленга в наши дни присуще не только молодежи или другим социальным группам. Сейчас жаргонизмы и сленг встречается даже в газетах, журналах и новостях. За последние десятилетия для СМИ стерлись границы между литературными нормами и языком подростков, рабочих и др. Журналисты сознательно идут на этот шаг, чтобы привлечь большую аудиторию. Уже никого не удивишь появлением в новостях на федеральном канале той или иной новомодной шутки из Интернета. СМИ активно перенимают единицы разговорного языка – это продиктовано современными стандартами общества. Современный человек хочет быстро воспринимать информацию и запоминать ее суть. Для этого ему не нужны красивые, литературные обороты ре-

чи; достаточно несколько емких выражений, которые смогут отобразить главную мысль того или иного текста.

Эти «правила» распространяются на все современные СМИ. Читая газеты *The Guardian* и *The Independent*, можно отметить, что заголовки имеют свою собственную грамматику: часто опускаются артикли и глагол *to be*.

Таким образом, можно сделать вывод, что тенденция к упрощению речи, перениманию сленговых и жаргонных слов и выражений продиктована современными потребностями общества.

Для подкрепления данного исследования реальными фактами, авторами работы было проведено социологическое исследование, целью которого было выяснение актуальности сленга в речи молодежи, а также взгляд определенной возрастной группы на данную проблему. По итогам опроса стало ясно, что большинство студентов лингвистического направления подготовки не используют сленг в своей речи и стараются отслеживать чистоту речи окружающих людей. По мнению опрошенной группы, самым популярным сленговым выражением является «лол», которое употребляется в значении «смешно» или «весело».

Сленг является важной частью лингвистических исследований. Однако не стоит перенимать данную лексику, нужно избегать ее употребления в своей речи. Сленг – это не литературная норма, а ее противоположность. Соответственно, злоупотребление сленгом может привести к общему падению культурного уровня. Поэтому каждый человек должен отслеживать регистр общения и выстраивать языковые средства согласно ему. Избежать бездумного использования сленга в своей речи можно через большее внимание к классической литературе, образовательным передачам и изменениям в родном языке. Представителям средств массовой информации стоит обратить внимание на редактуру своих текстов, качеством подачи информации, ведь СМИ напрямую влияют на речевую культуру общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Введенская Л.А.* Русский язык и культура речи. Ростов н/Д.: Феникс, 2005.
2. *Маковский М.М.* Современный английский сленг: онтология, структура, этимология. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
3. *Ayto J.* *The Oxford Dictionary of Slang.* Oxford: Oxford University Press, 2003.
4. <https://studfiles.net/preview/3577670/> (дата обращения: 20.10.17).
5. <http://englishfull.ru/znat/angliysky-sleng.html> (дата обращения: 20.10.17).

*Евгения Юрьевна Пристайович (Варфоломеева),
студентка 5 курса заочной формы обучения
научный руководитель: к.н., доц. Дворниченко Е.В.*

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ОБРАЩЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

CULTURAL PECULIARITIES OF TYPICAL ADDRESSES TO PEOPLE IN ACTUAL SPANISH LANGUAGE

Abstract: *The article explores the field of everyday communication in Spain and other Spanish-speaking countries through the prism of typical addresses to the participants of that process.*

Keywords: *colloquial use, denotative meaning, emotional markers, Proper Nouns, Spanish language culture.*

Испанский язык – один из наиболее распространенных в мире языков с богатой историей, в котором накопилось большое количество разнообразных форм обращения. Знание национально-культурной специфики использования языковых единиц является важным аспектом овладения иностранным языком, а умение точно и к месту употребить ту или иную форму обращения – важный элемент культуры речи любого человека.

В испанской устной речи одну из главных ролей играют местоименные формы обращения (МФО), которые передают степень близости между собеседниками (как на социальном, так и на психологическом уровне), а также задают тон официальности или неофициальности в общении.

Как мы знаем, испанские МФО представлены местоимениями *tú/usted* в единственном числе и *vosotros/ustedes* во множественном. Кроме того, в странах Латинской Америки МФО используется несколько другой вариант: к одному лицу – *tú, vos/Usted* и ко многим лицам – только *ustedes*.

Однако, вследствие демократизации общества, изменения иерархических отношений между людьми происходят изменения и в употреблении обращений и социальных нормах этикета и поведения испанцев. В последнее время в большинстве коммуникативных ситуаций традиционное обращение *usted* стало вытесняться разговорным *tú*, которое стало употребляться вне зависимости от социального статуса собеседника. Соответственно, изменилась и тональность общения, став менее официальной.

Примером такого явления может служить общение «учащийся-преподаватель» в современной Испании. Обращение на *tú* к преподавателям как молодого, так и среднего возраста стало допустимым и вполне обычным. Таким образом, форма *tú* приобретает значение понятия «равенство» [4, с.68]. Однако некоторые граждане Испании, в особенности пожи-

лого возраста, оценивают подобные изменения достаточно негативно, считая это проявлением фамильярности и невоспитанности.

Наряду с местоименными формами активно используются номинативные формы обращения, которые можно разделить на денотативные (обозначающие) и коннотативные (эмоционально-оценочные). В денотативных формах, в основном, используется имя собеседника, которое может видоизменяться в зависимости от его пола, возраста, верований и т.п. Во втором случае обращение содержит в себе некие дополнительные коннотации, среди которых можно выделить различные социальные аспекты: степень родства/дружеские отношения, возраст, физические и интеллектуальные черты, гражданское состояние, этническая принадлежность и т.п. Остановимся подробнее на некоторых наиболее обширных из них.

1. Гражданское состояние

Наиболее характерными для официальной речи в Испании считаются обращения *Don/Doña* и *Señor/Señora/Señorita* [3, с.68]. Отметим различия в употреблении данных форм: *Don-Doña* используются в неформальной атмосфере, для выражения глубокого почтения к собеседнику и всегда сочетаются с именами собственными – *Don Carlos*, а форма *Señor* используется с фамилией – *Señor Rivera*. Обращения *Señora* и *Señorita* в большинстве случаев употребляются с именами собственными – *Señorita Rosa*. И только тогда, когда речевая ситуация представлена в деловой сфере (например, начальник – служащая), используется форма *Señora (Señorita) + фамилия: Señora Lenares*.

При этом, если раньше использование обращения *Señorita* было признаком положения «не замужем», то в настоящее время эта форма практически выходит из употребления, вытесняясь обращением *Señora*, которое адресуется к любой женщине, независимо от семейного статуса.

2. Семейные отношения

Обращения с терминами родства употребляются, главным образом, в общении родственников друг с другом. Но стоит отметить, что в Испании в обиходной речи наименования, связанные с родством, довольно широко используются и во внесемейной сфере общения в переносном значении.

Родители обращаются к детям, в первую очередь, по имени (часто по сокращенному, например, *Pepita, Pepa* от *Josefina*) или по прозвищу. Также, в испанском языке широко распространено обращение *hijo,-a*, к которому часто добавляется уменьшительно-ласкательный суффикс (*hijito,-a*) или ударная форма притяжательного местоимения *mío,-a*. При отсутствии данного местоимения, *hijo,-a* может сопровождаться словами *de mi alma, de mi vida*. Помимо этого распространены следующие формы обращения к детям: *chico,-a, niño,-a, nena,-e, pequeño,-a, cariño, criatura, cachorro* etc.

В отношениях «дети-родители» чаще всего используются формы *papa* и *tata* (иногда + имя или прозвище) с многочисленными вариациями: *papi, tami, papito, tamita, papafto* или *papacito*, и сокращенные формы

pa и *ma*. Распространенные просторечные формы обращения к матери - *tata, tatita, taita, mama*. Слова *padre* и *madre* практически потеряли свою функцию в качестве обращения, став просто словами, обозначающими родственные отношения. Для обращения к дедушке и бабушке помимо традиционных *abuelo, -a* используются усеченные формы *abu* и *abue*.

При супружеском обращении мужчина обращается к своей жене *mi mujer*, если речь идет о чужой, используется слово *esposa*. Женщины чаще всего употребляют форму *mi marido* [4, с. 43].

3. Эмоциональный эмфазис

Испанцы демонстративно эмоционально и экспрессивно выражают свои чувства и расположение к собеседнику, используя различные эмоционально-окрашенные формы обращения, среди которых наиболее распространены [5]:

- названия «органов чувств»: *corazon, alma* (сердце, душа);
- оценочные имена: *rey/reina, princesa, miñeca* (король/королева, принцесса, куколка);
- сравнения с драгоценностями: *tesoro, orito, perla* (сокровище, золотце, жемчужина);
- существительные сферы эмоций: *amor, esperanza, cariño* (любовь, надежда, ласка);
- абстрактные оценочные существительные: *bellezza, hermosura, preciosura* (красота, прелесть, драгоценность);
- абстрактные понятия бытия и природы: *vida, sol, cielo* (жизнь, солнце, небо).

Также весьма разнообразен набор негативно-оценочных обращений, выражающих неодобрение, негодование, отвращение, насмешку. Такие обращения характеризуются богатой синонимией. К примеру, синонимический ряд формы *tonta* (дура): *neicia, boba, estúpida, imbécil, idiota*, или *puerca* (грязнуля): *sucia, guarra, cochina*.

Для того чтобы привлечь внимание на улице, в магазине или транспорте, современные испанцы предпочитают пользоваться безличными обращения-оклики, например, «*Oiga*», «*Oye*». К ним для вежливости добавляется формула «*Por favor*», реже местоимение *usted*. Также, привлечь внимание можно выражениями-извинениями «*Perdón*», «*Perdóneme*», «*Disculpe*». При обращении к молодым людям или в не особенно важной по своему статусу речевой ситуации используют формы «*Hola*», «*Eh*», «*Mira*», «*Chis*», «*Psss*». Подобные формы обращения имеют очевидную сниженную стилистическую окраску и обозначают обиходно-фамильярный и непринужденный тон общения.

Подводя итог, можно отметить, что испанская речь характеризуется широкой вариативностью употребления форм обращения, закрепленными за основными ситуациями речевого общения. Замечается тенденция пре-

обладания разговорно-обиходной речи, перемены в тональности общения и переключение официального на неофициальный язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зверева Е.В.* Формы обращения в комплиментах, используемых в испанском языке. // Гуманитарные науки, 2013. №2 (10). С.76-82.
2. *Носкова А.И.* К вопросу о формах обращения в испанском языке Испании и Латинской Америки (с акцентом на венесуэльский национальный вариант) // Историческая и образовательная мысль, 2014. №2(24). С.288-294.
3. *Фирсова Н. М.* Испанский речевой этикет. М.: Инфра-М, 2001.
4. *Фирсова Н.М., Чеснокова О.С.* Обращение в современном испанском языке. М.: УДН, 1987.
5. Материалы сайта hispliblog.ru <http://hispliblog.ru> (дата обращения: 01.11.2017).

*Белла Вячеславовна Дзилихова,
Оксана Юрьевна Попович
студентки 5 курса заочного отделения,
научный руководитель: к.н., доц. Дворниченко Е.В.*

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

SEVERAL ASPECTS OF COLLOQUIAL USAGE OF CONTEMPORARY SPANISH LANGUAGE

Abstract: *The article examines the processes of language abundance and economy in colloquial usage of Spanish in actual situation.*

Keywords: *actual situation, colloquial language, language economy, lexical repetition, linguistic abundance, reduplication, Spanish.*

Разговорная речь обладает одновременно двумя противоположными характеристиками: языковой избыточностью и языковой экономией. Другими словами, два языковых процесса происходят постоянно в контексте устной коммуникации, или устного текста, и, благодаря их взаимодействию, устоявшиеся академические нормы переходят в узус, становятся широкоупотребительными. С точки зрения испанского лингвиста А. М. Вигара Таусте, испанская устная и разговорная речь отличается, прежде всего, языковой избыточностью [7, с. 127].

Тенденцию отклонения от кодифицированной нормы языка можно проследить на всех языковых уровнях. Так, на фонетическом уровне это

проявляется в форме нарушения звукового облика слов путем прибавления лишних звуков – добавочных фонем - к слову. Добавочные фонемы могут присоединяться к началу или концу слова, или – реже – в середину. Например, прибавление фонем в начале: *abajar* вместо *bajar*, *allegar* и *llegar*, *amarrón* и *marrón*, *emprestar* и *prestar*, *entodavía* и *todavía*, *amoto* и *moto*, *afoto* и *foto* и т.д.; примеры лишних звуков в конце слова (*veloce/veloz*, *interese/interés*) и в середине (*ansí* вместо *así*, *trompezar* вместо *tropezar*, *empenzar* вместо *empezar*, *físno* вместо *fino*) сочетаются с изменением правописания слов в соответствии с нормами современного испанского языка.

На лексическом уровне избыточность чаще всего проявляется в немотивированных лексических повторах. Для устной разговорной речи эстетическая функция не важна, зато коммуникативная функция доминирует: говорящему важен как сам процесс общения, так и достижение конкретной цели - донести собственную мысль или информацию до собеседника, поэтому немотивированные лексические повторы являются органичной частью повседневной речи.

Приведем примеры таких повторов из записей испанского лингвиста А. М. Вигара Таусте [7, с.4]:

- Y de nuestros queridísimos hermanos ¿qué sabes?

- Pues mira, el viernes precisamente hablé con los dos. El viernes hablé con Pepe Luis y con Paco.

- ¿Y qué cuentan?

(- А о наших дорогих братьях, что ты знаешь?)

- Ну, слушай, как раз в пятницу я говорил с обоими. В пятницу я говорил с Пепе Луисом и Пако.

- Ну и что они рассказывают?)

В нашем примере видно, что каждый сегмент сообщаемой информации дублируется во втором предложении: дважды повторяется, что разговор был в пятницу (*el viernes*), дважды говорится, что разговор состоялся (*hablé*), дважды уточняется, что разговор был с обоими братьями (*con los dos, con Pepe Luis y con Paco*).

В таком коротком отрезке телефонной беседы мы наблюдаем три повтора, притом, что речь не идет о чем-то сколько-нибудь важном, это обычный телефонный разговор, в ходе которого интересуются делами близких родственников. Как отмечает сама А. М. Вигара Таусте, «в разговорной речи важно не столько то, что именно говорят друг другу собеседники, сколько важен сам факт говорения в данный момент их жизненных отношений и в данной коммуникативной ситуации» [7, с.15]. В рамках испанской языковой культуры важно также, как именно (каким образом) были высказаны те или иные мысли, и выразительные повторы в этом смысле играют важную роль, передавая степень близости между собеседниками. Иными словами, чем ближе отношения между собеседниками, тем важнее

для них сам процесс общения, а не его содержание, тем больше возникает различного рода повторов.

Среди лексических повторов, свойственных испанской разговорной речи, можно выделить следующие: повтор отдельно взятого знаменательного слова, повтор знаменательного слова в сочетании со служебным, повтор двух и более знаменательных слов в сочетании со служебным, повтор фразеологического или устойчивого словосочетания, повтор служебных слов. Приведем пример диалога из романа современного испанского автора Сусанны Перес-Алонсо [8]:

- Hola, coronel, todo bien?

- ¿Por qué no voy a estar bien, Sofía? Perfectamente.

- Era una pregunta, sólo una pregunta, Alberto. Cortesía.

- Ah, bien, estoy perfectamente, Sofía. ¿Adónde vas de esa guise, Mafalda? ¿Alas negras?

- A una fiesta gótica. Esta noche los Pudientes dan una fiesta gótica, papá. Mama viene conmigo (...)

На примере данного фрагмента коммуникативного акта (бытового разговора между членами семьи) хорошо видно, как повторами связаны, или обрамлены, практически все строки диалога. Данный диалог демонстрирует нам как повтор отдельных знаменательных лексических единиц (bien, Sofía, perfectamente), так и повтор сочетания служебного и знаменательного слова (una pregunta), повтор, включающий в себя более, чем одно знаменательное слово (una fiesta gótica). Кроме того, можно заметить, что такого рода повторы могут являться как составной частью одного коммуникативного послания (высказывания, принадлежащего одному лицу), так и повторяться в ряде различных высказываний или реплик в составе диалога.

Среди таких лексических повторов, переходящих из одного коммуникативного послания в другое, в испанской разговорной речи особо выделяются анафорические и эпифорические повторы. Испанские лингвисты называют их «эхо-конструкциями» (construcciones ecos). Обильное использование таких «эхо-конструкций» в испанской разговорной речи связано с особенностями ее природы, которая не терпит пустот и обрывов. Эффект эха обеспечивает плавность и непрерывность речевого потока. Приведем примеры [4, 6, 7]:

1) - Oye, ¿qué me dijiste en tenis?

- Que te probaras el chandal.

- ¿Qué chandal?

- El que esta encima de tu cama.

- Pues no lo he visto.

- Claro que no lo has visto! Ya lo he visto que no lo has visto.

2) -Es que es fresco [el pan]..., y no se quema más.

- Qué va a ser fresco, ¡es de ayer!

- Por eso, que es fresco...

- Yo todos los días lo quemo más y es de ayer...

- ¡Qué te lo comas!

3) Cristian. - Yo creo que siempre es bueno adquirir una experiencia, no? Con una mujer de 30 años o... lo que tenga, pero... me gusta más instruir las. Ser instructor.

Bertín. - Ah, ser instructor.

Cristian. - Sí, aunque hoy día... no sabes quién te puede sorprender.

Bertín. - Ahí está la cosa.

Cristian. - Ahí está.

Bertín. - Ahí está la cosa, señores. Que hoy día donde menos se lo piensa usted salta la liebre [risas]...

Данные примеры демонстрируют, что подобные эхо-повторы не только не несут никакой дополнительной информации, но и не имеют никаких дополнительных функций, к примеру, функции усиления или выразительности, а только направлены на обеспечение и поддержку коммуникативного акта как непрерывного процесса. Следует отметить, однако, что повторы в испанской разговорной речи могут обладать дополнительными функциями, хотя они и не являются полноценно мотивированными с точки зрения содержания дополнительной информации. Так, в испанской разговорной речи часто используются приемы геминации (контактный повтор) и диакопы (разряженный повтор) [5, с. 90]. Такие повторы хоть и являются избыточными с точки зрения кодифицированной нормы, могут обладать определенными функциями, например, функцией усиления, как в следующих примерах:

1) - ¿De qué estás enferma?

- De los nervios, Mafalda, de los nervios (...)

2) ...porque tardan una hora, tardan una hora y, claro, si tardan una hora... no pueden tener más que dos autobuses para toda la línea. A mí me cuenten... cuentos chinos.

В других случаях целью таких повторов является возвращение словам их первоначального полновесного значения. От частого употребления в разговорной речи некоторые слова как бы стираются, теряют не только свою выразительность, но и частично значение. Если такие слова не имеют разговорных синонимов, обладающих большей экспрессивностью по отношению к их нейтральным эквивалентам, их просто повторяют два или более раза. Так, например, приглашая гостя войти, испанец повторяет: «Pasa, pasa, por favor», или, разрешая курить в своем присутствии, закрепляет свое решение: «Fuma, fuma», или, отвергая аргумент собеседника, подчеркивает: «Cállate, hombre, cállate». Это типичный повтор, связанный с реализацией дискурсивных задач [6, с. 44]. Наиболее частотными лексическими повторами такого типа в испанской разговорной речи являются повторы существительных [4, с. 26], например: amigo-amigo (друг-друг), в

значении 'настоящий друг', а не просто 'приятель', и loco-loco (сумасшедший-сумасшедший).

Однако вряд ли нуждается в дополнительных доказательствах тот факт, что подобные лексические повторы вступают в противоречие с кодифицированной нормой литературного языка и являются одним из проявлений тенденции языковой избыточности (тавтологии) испанской разговорной речи.

Среди лексических повторов, выступающих в качестве избыточных средств, мы называли также повторы служебных слов. Чаще всего в этой роли выступают союзы или их части (в том случае, если союзы сложные). «Неточное воспроизведение структурной формулы высказывания нередко ведет в устной речи при конструировании этой формулы к употреблению избыточных средств и в первую очередь союзов. Возникают ненормативные структуры с выраженным смыслом и самодеятельно подправленной, усиленной формулой». Такое избыточное употребление союзов характеризует также и испанскую разговорную речь. Приведем примеры [7, 8]:

1) - (...) Diré que el fiscal miente, que el presidente no se entera, que el forense es un vendido.

2) -No pido que me perdone, Adela, no va a volver a ocurrir esto jamás, he cortado de raíz, [...] y te pido que por favor que lo antes posible que volváis a casa.

Лексическая избыточность в разговорной испанской речи проявляется и в употреблении предлогов. Чаще всего это касается предлога de. Например:

1) Me dijeron de que viajarías mañana.

2) Me fijé de que llevaba corbata...

3) Me alegra de que vengas.

Все приведенные примеры демонстрируют избыточное употребление предлога de, так как его употребление в данных случаях не предусмотрено нормой языка. Данное явление описано в стилистике испанского языка как.

На синтаксическом уровне избыточность разговорной речи проявляется в повторе целых высказываний. Приведем примеры [6, с. 27]:

1) - No lo sé, Jesús, te he dicho que no lo sé y si te digo que no lo sé, ¿es que no lo sé.

2) E. - Bueno, Paco, tenemos que dejarte ya, pero queremos oír, eh, queremos oír algo de tu disco, nos apetece muchísimo y quisiera saber si está ya a la venta en los grandes almacenes y sitios donde se venden discos...FV. - Sí, sí, sí: almacenes, tiendas de discos, todo, pero... hay que pedirlo, porque como es normal verlo, porque no sé en qué sección lo pondrán, pero como de poesía no hay secciones en ninguna parte...

E. - Claro.

FV. - o está en letra pequeña..., pues, hay que pedirlo...

Е. - *Hay que pedirlo, Francisco...*

В первом случае в одном коммуникативном послании четыре раза повторяется высказывание по *lo sé* ('я этого не знаю'). Здесь повтор выполняет функцию выразительности. Во втором диалоге, трижды повторяется *hay que pedirlo* ('нужно заказать его' [диск]), и данный повтор очень мало оправдан с точки зрения целесообразности, поскольку он не только не несет дополнительной информации, но также не обладает функциями экспрессивности или усиления высказывания. В обоих случаях действует принцип превалирования смысла над формой, характеризующий устную разговорную речь.

К формам проявления избыточности разговорной речи на синтаксическом уровне относятся также конструкции добавления, под которыми понимается добавление по принципу избыточности и для подтверждения грамматических особенностей местоимения дополнительного существительного в конце высказывания, а иногда и в середине. В испанской разговорной речи такие конструкции очень распространены. Например: *Le has regalado los discos a Carmencita?* Здесь местоимение в роли дополнения *le* (ей) дублируется существительным *Carmencita* (Карменсите). Или другой пример: - *¿Dónde los compraste estos libros?* - В этом случае прямое дополнение *los* (их) дублируется уточняющим высказыванием *estos libros* (эти книги). В обоих случаях существительное употребляется для пояснения уже ясного из контекста значения.

Таким образом, нами были рассмотрены различные формы языковой избыточности в испанской разговорной речи. Было показано, что языковая избыточность проявляет себя в различных формах (немотивированные повторы, лишние звуки в словах, добавочные лексические единицы в синтаксических конструкциях) и на различных языковых уровнях (фонетическом, лексическом, синтаксическом).

Языковая избыточность также характерна для разговорной речи, как явление языковой экономии. Эти два вектора, хотя и являются противоположно направленными, определяют во взаимодействии основные процессы развития разговорной испанской речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лантева О. А.* Живая русская речь с телеэкрана: Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. 6-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2007.
2. *Федосова О.В.* Выразительные средства испанского языка (в сопоставлении с русским языком). Волгоград: Перемена, 2017.
3. *Шишкова Т.Н.* Стилистика испанского языка. Минск: Высшая школа, 2015.
4. *Fant L.M.* Procesos anafóricos y valor enfático en el español hablado // *Español actual*. 2015. № 43. P. 5-26.

5. *Felíu Arqueola L.* Las reduplicaciones léxicas nominales en español actual // VERBA, 2011, vol. 38. P. 95-126.
6. *Roca F., Suñer A.L.* Reduplicación y tipos de cuantificación en español // Estudi General. Revista de la facultat de Lletres de la Universitat de Girona. 1998, No.17. P.37-66.
7. *Vigara Tauste A.M.* Morfosíntaxis del español colloquial. Madrid: Gredos, 1992.
8. *Pérez-Alonso S.* Página web oficial. <http://www.susanaperezalonso.com> (дата обращения – 31.10.2017).

*Ахмад Эзеддин,
студент второго курса очного отделения*

INTERCULTURAL COMMUNICATION THROUGH TRANSLATION

ПЕРЕВОД КАК СРЕДСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

***Аннотация:** Перевод является мостом между культурами и позволяет транслировать идеи, чувства, достижения своего народа другому, следовать общему алгоритму развития человеческого общества.*

***Ключевые слова:** история, межкультурная коммуникация, перевод, принципы, феномен.*

Translation and linguistics relate to all civilizations, and world views. Linguistic problems and complexities can be classed as lexical, syntactic or semantic depending on their context. Lexical problems involve the interpretation of particular words or phrases rather than entire classes. These problems exist independent of context although they are evident only in it. Syntactic problems involve structural relations between words or phrases.

Translation, then, is an intellectual window and an urban gateway that guarantees our national identity more communication with the other in all fields of creativity.

The importance and role of translation in the lives of nations is enormous. Language is a communication tool between speakers, carrying their culture, expressing their needs, and reflecting their progress and advancement in various fields of knowledge, and thus changing the situation to accommodate events. In the face of the world's development and global events, translation has become an urgent need to keep abreast of cultural progress.

Translation plays an important role in the social, scientific and cultural life of different nations. It is a phenomenon that precedes every civilized achievement of any nation, and then continues to keep pace with its cultural

growth. Emerging countries are eager to transfer the secrets of technology, industries and sciences to their language, so that their language becomes available to their children in the discourse they used, and then move on to the stage of thinking, development, progress. The modern world has placed developing countries in the face of a great challenge, a choice between life by keeping pace with continuous scientific development, or death among rubble, and only translation is capable of building bridges through which human achievements can be bridged.

In addition, it is important to note that culture of every nation, community and individual influences the process of translation and its following perception and comprehension. As Clifford Geertz wrote, culture is the main and basic principle of human existence [1, c. 44, 46]. It is imprinted in human subconscious and forms essential beliefs and values that, in their turn, have an impact on so called «cultural scripts» providing not only the general vision of own and other culture, but also the subjective ethical approaches which organize orientations and tendencies important for a successful act of communication and, moreover, for communication through translation. In such circumstances the figure of translator and interpreter becomes a key element of communication as translator plays the role of mediator who uses his or her cultural (knowledge of local features) and intercultural (recognition of existing communication «gaps») skills to guarantee the uninterrupted, «smooth» communication, promote and sometimes encourage the exchange of information [3, c.1-13].

It is not easy to transfer a civilization to another except by the human knowledge of the language of the other human being and the best way to do so is translation, hence the emergence of the important role of translation and difference in the dialogue of civilizations, which aims to strengthen communication, in understanding civilization in a framework of cooperation based on mutual respect, honesty and accuracy.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Geertz C.* The Interpretation of Culture. London: Fontana Press, 1993.
2. *Taft R.* The Role and Personality of the Mediator // *Bochner S.* (ed.) The Mediating Person: Bridges between Cultures. Cambridge, Schenkman, 1981. Pp. 53-88.
3. *Valero Garcés C.* Mediation as translation or translation as mediation? <http://www.translationdirectory.com> [дата доступа: 01.11.2017].

*Александра Андреевна Наприенко,
студентка второго курса очного отделения,
научный руководитель: к.н., доц. Дворниченко Е.В.*

ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ У. БЛЕЙКА «ТИГР» С ПОМОЩЬЮ МЕТОДА МЕДЛЕННОГО ЧТЕНИЯ

CLOSE READING OF WILLIAM BLAKE'S POEM «THE TYGER»

***Abstract:** Close reading is a method of text analysis, which helps to understand the theme of a piece of literary text and emphasize the hidden meanings of his works through thorough interpretation and multidisciplinary vision. Considered from this point of view, the poem «The Tyger» by William Blake represents various connections with other significant literary works that allows to discover new layers of the meaning.*

***Keywords:** analysis, close reading, poetry, The Tyger, William Blake.*

Медленное (вдумчивое) чтение — особая техника чтения, суть которой состоит в том, чтобы читать медленно, заостряя внимание и делая акценты на отдельных фразах или словах, для лучшего понимания смысла. Этот термин пришел из западноевропейской литературной критики и в оригинале называется «Close reading» [5]. В отличие от филологического метода анализа текста, который стремится подчеркнуть культурологический статус произведения путем анализа литературных составляющих текста, данный метод предполагает детальный разбор отдельных фрагментов путем анализа свободно возникающих ассоциаций и их критического отбора. Также Close reading включает в себя несколько итераций [1]: первое прочтение – первое впечатление, которое включает то, что привлекает (вызывает приятные эмоции, дарит радость узнавания) и то, что непонятно, т.е. то, будит воображение, провоцирует интерес, раздражает; второе прочтение – приближение к тексту и знание: грамматика и лексика, как выбор слов и структура предложений подтверждают наше первое впечатление; третье прочтение - особенности повествования, образы и фигуры, подтверждение первых ассоциаций, как первое впечатление можно в них проследить; четвертое прочтение - выход на новые уровни обобщения. Похожий метод анализа текста, который используется для анализа всех видов литературы (в том числе технической) во Франции, называется «Интерпретация/объяснение текста» (L'Explication du texte).

Так, в рамках метода медленного чтения интересно рассмотреть стихотворение Уильяма Блейка «The Tyger». Данное произведение является частью иллюстрированного цикла поэм «Songs of Innocence and of Experience», «Songs of Innocence» опубликованы в 1789 г. и «Songs of Experience», куда входит анализируемое произведение, в 1794 г. Многие ли-

тературные критики называют его одним из самых популярных стихотворений, написанных на английском языке.

Уильям Блейк (1757-1827) – английский поэт и художник, который оказал влияние на многих поэтов, писателей и музыкантов (от прерафаэлитов Д.Г.Россетти и У.Морриса до поэта-битника А.Гинзберга и рок-музыканта Б.Дилана). Само стихотворение состоит из шести рифмованных четверостиший. При этом автор использует довольно простой метод рифмы, который часто используется в детских стихотворениях. Поэт использует парную рифму, размер стихотворения – хорей. Тем самым он создает ощущение легкости и простоты при первом прочтении. Рифма построена таким образом, что последний слог всегда оказывается ударным, что придает стихотворению особый ритм. Но некоторые строчки выбиваются из этого ритма. И можно понять, что автор хочет сделать особый акцент на деталях.

Стихотворение содержит несколько вопросов к персонажу-Тигру, это вопросы-обращения, напоминающие разговор ребенка с персонажем. Однако это кажущаяся простота, псевдо-детскость, и это, конечно же, не стихотворение, адресованное детям. За этими вопросами скрывается сам автор, вопрошающий Тигра о его появлении и создателе. Первое, что бросается в глаза при прочтении, – название. Вместо общепринятого в английском языке «tiger» употребляется «tyger». Но это нормальное явление: привычная нам форма «tiger» стала преобладающей лишь около 1800-х годов, а форма «tyger», используемая с 1680 года, постепенно становилась архаизмом.

В начале произведения автор использует описание темного и мрачного леса и кошачьи образы. По аналогии Блейк описывает единственную среду, в которой, по его мнению, может существовать такое страшное существо, как тигр. Но это, безусловно, и отсылка к средневековым образам тигра: в средневековых bestiариях представление о том, как должен выглядеть тигр, было весьма условным. Тигры изображались без полосок или с пятнами как у леопарда. Важно было то, что это животное было опасным, очень быстрым и очень сильным.

Лирический герой (голос стихотворения) задает вопрос о том, как такое устрашающее творение может притягивать внимание, восхищать. Более того, Блейк спрашивает: «Какой Бог мог создать такое существо? Что Он использовал для этого?» («What immortal hand or eye, / Could frame thy fearful symmetry?»)[3, с. 75-76].

Это произведение можно сопоставить с другим стихотворением Блейка «The Lamb» из цикла «Песни невинности», в котором автор точно указывает на творца, но также задается вопросом о создателе. Вполне очевидно, что агнец и тигр – два очень разных, противоположных по сути божественных творения. Но на самом деле, с каждой последующей строчкой, мы видим восхищение автора этим пугающим, но красивым созданием.

Тигр — это воплощение могучей, неподвластной природы, наполненной силой и жизнью: «In what distant deeps or skies. / Burnt the fire of thine eyes?» [3, p. 75-76]

Но эти же строки напоминают нам образы Ветхого Завета. Бог посылает зримое воплощение зла — «крокодила» (Синодальный перевод), или левиафана («Out of his mouth go burning lamps, and sparks of fire leap out. / Out of his nostrils goeth smoke, as out of a seething pot or caldron», так описывается чудовище в Книге Иова, 41:19 [6, с. 1190]), и это очень похоже на описание тигра в стихотворении Блейка.

Вслед за этим, в выражении «seize the fire» Блейк сравнивает творца с древнегреческим богом огня — Гефестом: Бог, подобно кузнецу, сотворяет Тигра. И это также возводит образ Тигра к очень древним временам. К тому же, автор, кажется, видит что-то человеческое в тигре, обращая внимание читателей не только на очевидные внешние особенности, но и показывая, что у этого создания есть сердце и мозг. Тем не менее, Блейк задается вопросом, как или почему Создатель позволил этому чудовищу существовать.

Безусловно, каждое творение содержит в себе отражение создателя, поэтому Блейк и в Тигре пытается найти отражение Бога. Задаваясь вопросом в строчке «In what furnace was thy brain?», автор, сравнивая создателя с кузнецом, упоминает наковальню и печь — главные инструменты этого ремесла, с помощью которых была сделана голова Тигра. Нельзя не заметить сходство печи с преисподней, так автор показывает ту самую грань между добром и злом, сравнивая Бога и сатану. Люцифер, который когда-то служил Богу, был сброшен с небес. Когда Люцифер упал, Небеса были в слезах, потому что именно Бог создал монстра. В этом контексте Тигр предстает перед нами, как воплощение зла.

Строчки «When the stars threw down their spears / And water'd heaven with their tears» опять отсылают нас к понятию «звезды», которое обозначает Небеса, но оно связано и с образом кузнеца, ведь искры в кузнице напоминают падающие звезды. В мифологии кузнец наделен божественной силой и ассоциируется с неуязвимостью, так как имеет способность оставаться невидимым [7]. Его нередко связывают с нечистой силой, потому что кузнечное ремесло считалось высшим умением, связанным с магией и сверхъестественными существами. Кроме того, кузнец — это тоже творец, создатель.

Далее лирический герой обращается к Богу с вопросом: «Горд ли ты тем, что сотворил? Улыбнулся бы ты, когда увидел свое творение? Позволил бы ему существовать?» Но затем возникает парадоксальный вопрос: мог ли это быть тот же создатель, который создал агнца в поэме «The Lamb». Он осознает Всевышнего властвующим не только над хорошими, но и над плохими делами этого мира. Возможно, этим агнцем может быть сам Иисус, потому что это олицетворение чистого и светлого существа.

Также образ агнца трактуется как идеал нежности, чистоты и невинности. Таким образом, акт творения дуалистичен, в нем есть черты и добра, и зла.

Библейские и мифологические аллюзии выстраивают вертикальный контекст, или интертекст Блейка (под интертекстом мы понимаем диалог текстов разных эпох, иначе говоря, всю «совокупность текстов, отразившихся в данном произведении») [2, с. 48].

В этот же ряд встает вторая строчка стихотворения: «In the forests of the night», которая отсылает нас к Песни I «Ада» («Божественной комедии») Данте.

«Midway upon the journey of our life / I found myself within a forest dark, / For the straightforward pathway had been lost. / Ah me! how hard a thing it is to say / What was this forest savage, rough, and stern, / Which in the very thought renews the fear» [1, с. 85].

После этого в стихотворении повторяется первое четверостишие. И теперь словосочетание «burning bright» можно понимать не только как окраску шерсти или пылающий взгляд. Поэт, вероятно, усматривает в агрессивной мощи диковинного животного аналогии с изменениями жизни: развитие новой промышленности, активное внедрение машин и паровых двигателей, люди, становящиеся богоподобными в своем стремлении управлять и овладеть миром. Слово «symmetry» может означать вечную гармонию добра и зла. Как известно, борьба противоположных начал — тема, которая интересовала людей еще с очень древних времен. Также можно заметить, что все произведение симметрично, так как первая строфа повторяется.

Блейк неслучайно использует местоимение «*thy*» (в английском языке оно используется лишь в молитвах при обращении к Господу, а также в клятве на вассальную верность королю), чтобы обращаться и к Создателю, и к Тигру. Тем самым автор возвышает творение до уровня творца. Также автор особое отношение уделял природе, ее божественной силе. Поэтому он всячески подчеркивает ее значимость столь необычной формой.

В цикле поэм «Песни невинности и опыта» («Songs of Innocence/Songs of Experience») Уильям Блейк противопоставляет детство взрослой жизни, как и агнца, противопоставляет тигру, и, возможно, тигр и есть олицетворение зрелости, со всей ее жестокостью и жадностью, в то время как агнец - олицетворение детства, с его наивностью и чистотой.

Таким образом, проанализировав произведение Уильяма Блейка «The Tyger» с помощью метода Close Reading, можно увидеть его связь с другими важными литературными произведениями, что позволяет осознать его многогранность и многозначность. На самом же деле, это произведение, как и любое другое, всегда будет хранить в себе неразгаданную тайну, в которой или для которой каждый находит свой ответ. И Close Reading – метод не только аналитический, позволяющий выявить смысловые доминанты текста и актуализировать фоновые знания, но и творче-

ский, дающий возможность понять замысел автора, это всегда сотворчество автора и читателя в сфере интерпретации текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Lanno M.A.* Технология «медленного чтения» (психолингвистический анализ стихотворения М. Цветаевой «Так вслушиваются...»). // Психолингвистические аспекты речевой деятельности. Екатеринбург: Уральский гос. пед. университет, 2012. Вып.10. С. 49-70.
2. *Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
3. *Blake W.* The Selected Poems. London: Wordsworth Poetry Library, 1994.
4. *Boyles N.* Closing in on Close Reading. // Common Core: Now What? December 2012/January 2013, Volume 70, No. 4. P. 36-41.
5. *Dworkin C., Goldsmith K.* An Anthology of Conceptual Writing. Northwestern University Press, 2011.
6. The Holy Bible. Old Testament. King James Version. SAGE Software, 1996
7. Онлайн-энциклопедия «Мифы народов мира»
<http://www.mifinarodov.com/k/kuznets.html> (дата обращения - 3.11.2017)

*Ольга Александровна Имашева,
старший преподаватель
кафедры лингвистики и МКК ИСК
«РГУ им. А.Н. Косыгина»*

ФОРМИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ НАВЫКОВ И УМЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ

FORMATION OF SUSTAINABLE LEXICAL SKILLS IN THE TRAINING PROCESS

Abstract: *The article focuses on selection criteria of learning materials for the English language classes and teaching methods of working with it.*

Keywords: *building competence, extending and developing, planning vocabulary, practicing, presenting vocabulary, realism and authenticity, recording and memorizing vocabulary, revising vocabulary.*

Формирование лексических навыков речи – один из самых сложных вопросов методики преподавания иностранных языков. Успешное развитие умений читать, говорить и воспринимать речь на слух невозможно без прочных знаний и умений в области лексики, так как с ее помощью происходит прием и передача информации. Недостаток словарного запаса является одной из причин, почему учащиеся не владеют языком.

От выбора материала для занятий по практике языка во многом зависит результат обучения. Учебный материал должен быть занимательным, ярким, вдохновляющим, а главное отвечать интересам учащихся. Этого можно достичь путем подбора текстов, тем и ситуаций, которые должны быть аутентичными (реальными продуктами носителей языка), а также иллюстраций, обеспечивающих необходимую визуальную опору. Сам процесс обучения можно разделить на несколько этапов: подбор и выбор лексических единиц, развитие умений с введением новых слов, отработка новой лексики в устной и письменной формах, расширение словарных значений и, наконец, повтор и закрепление лексики.

1. Выбор лексических единиц.

Учебники всегда содержат большое количество слов и фраз, удовлетворяющих потребности учащихся разных способностей и интересов. Задача преподавателя состоит в том, чтобы отобрать ключевые слова и фразы для активного словарного запаса всех учащихся; слова, которые они должны не только знать, но и употреблять в речи. Это означает, что учащиеся должны:

- узнать слово;
- уметь его сказать;
- использовать его в коммуникативном контексте;
- уметь его правильно написать.

Изучающие язык также должны уметь расширить свой словарный запас, используя элементы словообразования: образовать новые слова от этого слова с помощью аффиксов, путем прибавления основ (сложные слова); употреблять это слово с другими словами (коллокации); знать синонимы этого слова.

Для того чтобы учащиеся овладели данными средствами потребуется время. Дополнительные слова могут относиться к пассивному словарю (узнаваемые, но не употребляемые учащимися, за исключением лучших учеников). Такие слова могут перейти в разряд активного пользования при последующей работе с ними в других разделах учебника.

Некоторые слова можно отнести к разряду факультативных. Это те слова, которые могут потребоваться отдельному ученику при характеристике своих предпочтений и выражении собственных мыслей. Предполагается, что ученики могут и не знать все лексические единицы.

Важно не перегружать учащихся, вводя от 6 до 8 новых слов на начальном этапе и от 8 до 12 на дальнейшем.

2. Введение новых слов: развитие умений связано с более глубоким вовлечением учащихся в процесс коммуникации, контекстуальными догадками и использованием новых слов в практической сфере.

А) активизация работы учащихся. Это мотивирование и побуждение к интеллектуальной работе: учащиеся должны осваивать и реализовывать навыки думать, замечать, запоминать, например, вспомнить и перечислить

все, что они знают по новой теме. Из области питания и еды они, вероятно, вспомнят много английских слов благодаря рекламе продуктов. Пусть учащиеся:

- сначала воспримут на слух новые слова, а затем произнесут их, перед тем как они попытаются прочесть или написать их.

- указывайте на предметы, картинки при предъявлении новых слов, чтобы у учащихся имелся визуально-слуховой образ слова.

- вводите новые слова в словосочетаниях и контексте, чтобы помочь учащимся понять значение слова, запомнить его и знать, как оно употребляется.

В) использование метода контекстуальных догадок.

Побуждение учащихся думать и приходиться к заключению о значении слова по контексту (но избегая перевода) – важный элемент повседневной работы. Этого можно добиться с помощью:

- догадки: они могут предсказать вероятное значение, основываясь на уже имеющихся знаниях или опираясь на иллюстрации.

- описания или толкования окружения нового слова, чтобы помочь учащимся догадаться о значении, например, где вы можете найти этот предмет, как бы вы его использовали.

- вопросов о предмете, чтобы учащимся пришлось употреблять новые слова в предложениях. Например: «have you got / do you like...?» Добавлять прилагательные, например: «Is it big / green?»

С) употребление новой лексики. Закрепление полученных знаний и поощрение учащихся к использованию новых слов во время взаимодействия преподаватель-учащийся. Способы осуществления этого взаимодействия состоят в следующем:

- изображайте жестами новые слова, чтобы учащимся пришлось подумать и догадаться, что вы изображаете, повторяйте только что введенные слова.

- давайте ученикам на аудирование диалоги и тексты, содержащие новые слова.

- используйте упражнение «shadowing the tape», при котором учащиеся читают текст/диалог одновременно с диктором в записи, практикуя таким образом произношение и интонацию.

3. Организация отработки (тренировки) новой лексики.

Важно добиться, чтобы учащиеся уверенно произносили и употребляли новые слова, повторяя их хором, в парах или группах.

А) работа в парах. Учащиеся могут работать с партнером, используя лексику в ситуациях реального общения:

- можно повторять диалог в парах/группе,

- персонализировать, подставлять, расширять и менять диалог в соответствии со своей ситуацией.

В) индивидуальная/групповая/фронтальная работа. Можно использовать различные приемы и методы, чтобы сфокусировать внимание на новых словах – учащимся необходимо слушать, смотреть и учить. К ним относятся:

- слуховые игры: бинго, стишки, песни;
- визуальные игры: диктант по картинкам, рассказы по картинкам;
- активные игры и игры на осязание: драматизация, командная игра у доски;
- молчаливые занятия: разукрашивание, рисование, визуальные различия.

С) Индивидуальная работа. Учащиеся могут работать по одному, используя дополнительные упражнения в учебнике, рабочей тетради или работая со словарем, энциклопедией для более глубокого изучения.

4. Запись и запоминание новой лексики.

Поощрение учащихся к рутинной, но полезной работе: записывать те слова в словарь, которые отвечают их индивидуальным интересам и потребностям. Такая лексика усиливает мотивацию учебной деятельности, а также является очень полезной в функциональном плане. Задача учителя помочь ученикам логически выучить новые слова, а затем содействовать извлечению их из памяти. Этого можно добиться при помощи следующих приемов:

- сортировка: говорите ученикам подумать и соединить новые слова парами, основываясь на собственных критериях и ассоциациях (юмор может помочь ученикам запомнить слова). Затем нарисовать или написать новые слова (отдельно или вместе).

- выбор: способствуйте тому, чтобы ученики решили, какие слова они найдут сложными для себя, и попросите их сочинить историю, используя эти слова в контексте.

- диаграмма: говорите ученикам группировать слова на основе ассоциаций, составлять «паутину слов» (визуальную), для этого используя картинки из газет, журналов, каталогов.

- слайды, семантические поля: показывайте предметную отнесенность новых слов, ассоциации, связанные с этими словами, словосочетания с ними.

What ...

Pizza ice-cream

Hotdog chocolate

Chips cake

Why ...

Tasty delicious

Sweet juicy

Spicy healthy

When...

For breakfast

Just a snack
Main meal
For lunch, supper
Where ...
In a café, bar, restaurant
At home, in the kitchen
With friends, for picnic

5. Расширение словарного запаса. Это включает в себя поощрение учащихся добавлять в свой словарь незнакомых слов словосочетания с новыми словами, новые слова, образованные путем словообразования, отмечать стиль речи, к которому относятся эти слова, грамматические структуры с этими словами и т.д. Младшие школьники/учащиеся с уровнем знания изучаемого языка А1-А2 могут разделить свой словарь на темы и предметы и группировать новые слова в соответствии с их заголовками. Старшие школьники/учащиеся с уровнем знания иностранного языка В1 и выше могут фокусировать внимание на более сложных моделях, таких как: образование прилагательных от наречий, существительных от глаголов или коллокациях. Они также могут рассмотреть употребление новых слов в идиоматических выражениях.

Также полезно научить учащихся способам организации слов в предложении (знание конструкций предложений), объединения предложений в абзац, а абзацев в связный текст. Учащимся более продвинутого уровня следует изучать союзы и соединительные слова, необходимые для организации структуры текста.

6. Повторение лексики. Учащимся необходимо активно использовать изученные слова, употреблять их в речи, заново обращаться к ним, чтобы лучше их запомнить.

Этого можно добиться двумя способами: организовав командную игру или с помощью фронтальной работы всего класса одновременно. Учащиеся любят соревнования. Им нравится выигрывать, а некоторые из них еще даже не имели опыта проигрывать. Хорошо было бы убедить учеников, что в игре способности и умения не основные компоненты. Для того чтобы набрать очки иногда важное значение имеет удача, поэтому у каждого есть шанс выиграть и проиграть, а проигрыш можно отнести к неудаче.

Подбор материала играет важную роль в организации повторения. Можно возвратиться к тому же самому тематическому словарю и структурам в различных контекстах в течение одного раздела и позднее в следующих разделах. Каждый раз, когда вы снова и снова обращаетесь к словам пройденной темы, вы повторяете их, расширяете словарный запас ваших учеников. Такой спиралеобразный курс занятий характеризуется хорошим построением, обеспечивающим формирование устойчивых лексических навыков и умений в процессе обучения.

Книга для учителя обычно предлагает ряд игр и упражнений для дополнительных занятий, которые также можно использовать для повторения материала. Обычно там можно найти следующие виды игр:

Слуховые игры: listening chains, topic alphabets, quizzes;

Визуальные игры: picture matching, bingo, point-and-find, noughts-and-crosses;

Осязательно-визуальные игры: matching/sorting activities with cards, at the board, mime;

Напечатанные материалы: большинство учебников закрепляют пройденные слова в (обычно рабочих) тетрадях;

Материалы учителя: большинство учителей составляют свой набор любимых упражнений для работы;

Материалы, созданные учениками: учащимся нравится самим создавать задания друг для друга, основанные на известных уже им заданиях, которые они делали в классе. Это может служить отличной идеей для классов/групп с разным уровнем подготовки учеников.

Опираясь на вышеизложенное, можно выделить основные моменты в работе учителя при формировании лексических навыков и умений у учащихся. Выбрав урок, важно решить следующие вопросы:

Сколько в нем новых слов?

Сколько слов в нем уже известных?

Сколько нужно повторить?

Какие относятся к активному, а какие к пассивному словарному запасу?

О значении каких слов можно догадаться по контексту или картинкам?

Какие слова могут вызвать трудности и почему?

Какой способ вы выберете для их введения и семантизации?

Таким образом, можно сказать, что процесс формирования устойчивых лексических навыков у учащихся всех возрастных категорий имеет единую схему применения, которая достаточно легко алгоритмируется, следовательно, применима на любом этапе обучения. Основная роль в этом процессе принадлежит преподавателю, который также должен правильно организовать работу по практическому применению изучаемой лексики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Hadfield J., Hadfield C.* Presenting new language. Oxford: Oxford University Press, 2000.
2. *Lightbown P., Spada N.* How languages are learned. Oxford: Oxford University Press, 2006.
3. *Villiers S., Ward T.* Oxford Professional Development Programme. Oxford: Oxford University Press, 2000.

*Евгения Викторовна Мутовкина,
преподаватель кафедры
лингвистики и МКК ИСК
«РГУ им. А.Н. Косыгина»*

BILINGUALISM IN THE PROCESS OF INCULTURATION

ФЕНОМЕН ДВУЯЗЫЧИЯ В ПРОЦЕССЕ ИНКУЛЬТУРАЦИИ

***Аннотация:** Объектом исследования является феномен двуязычия. Цель статьи - дать определение двуязычия, проанализировать существующие подходы к классификации двуязычия и определить место двуязычия в современной системе образования. Двуязычие привлекает большое внимание ученых всего мира. Это явление неоднозначно, еще не полностью исследовано, но активно формируется в соответствии с быстрыми изменениями, происходящими в современном обществе.*

***Ключевые слова:** двуязычие, иностранный язык, коммуникативная ситуация, обучение, понимание, психоллингвистика*

The process of involvement into foreign languages is not only considered to be an object of study and on the other hand an opportunity to increase or achieve a level of literacy. Integration processes in quite different social fields of modern society's life have created favourable conditions for foreign languages study and have filled the process of education with new content. That is why the main task of higher school is getting the students ready to interact with multilingual and multicultural world. So, the students must succeed in foreign languages because their future professional career choice is likely to depend on their knowledge. Therefore, the problem of studying as many foreign languages as it is possible is getting urgent in modern system of education.

The meaning of bilingualism has been studied by many scholars all over the world. This term is of exceptional interest for most specialists in the bilingualism-related field such as linguists, psychologists, sociologists and methodologists. Bilingualism is likely to have a good command of two foreign languages simultaneously. Uriel Weinreich claims, that bilingualism is the knowledge of more than one foreign language and alternate using of them depending on the situations of speech communication [8]. In his book «Language Contact» U. Weinreich says: The practice of alternative usage of two foreign languages we will call as bilingualism and the persons implementing it as bilingual ones [7, p.22]. The practice of alternative apply to languages presupposes the possibility of their use for communication. The psycholinguists think that bilingual is the one who can realize two language systems for communication [4, p.19].

Terminological disorder in the definition of bilingualism itself sometimes in contradictions while interpreting analogous concepts. It is really hard to indentify the types of bilingualism due to still remaining one of the controversial questions of this phenomenon. The different approaches towards this term have been studied and have revealed its new sides. It is necessary to work out the distinct concept of «bilingualism», creating the generalized classification of bilingualism classes considering its important aspects. Different classifications are closely connected with indentifying the nature of bilingualism: the pure and the mixed ones. Pure bilingualism is speaking one language in the specific environment, e.g. in the family, and speaking the other language in the public. Mixed bilingualism is constant involvement into two languages together. In this case people even do not realize which language they speak at the moment.

Such scholars as Zalevskaya and Medvedeva [2] single out the theory of everyday and simulated bilingualism. It is meant that the second language is grasped through the environment and due to the abundant speech practice without realizing particular language phenomena, and learning foreign language is achieved through conations and using particular methods.

Y.M.Vereshchagin defines three types of bilingualism: receptive, reproductive and productive [6, p.134]. The receptive bilingualism is the ability of the student to comprehend the content of the text in a foreign language; the reproductive bilingualism is the ability of the student not only to comprehend, but also reproduce the heard or read information; the productive bilingualism is the ability of the student not only to read and reproduce the information heard or read, but also speak a foreign language.

Depending when and in which succession a person starts being at both language mechanisms, it is possible to distinguish between a coordinative bilingualism(succeeding in the second language begins in childhood under bilingual environment conditions) and subordinate bilingualism(the second language is studied in artificial environment taking mother tongue as a base).

H.Baetens Beardsmore [5] made an attempt to elaborate a classification of bilingualism, who defined more than 30 types of bilingualism. They are: achieved, additive, ascendant, ascribed, asymmetrical, balanced, compound, consecutive, coordinate, diagonal, early, functional, horizontal, incipient, individual, infant, late, passive, perfect, productive, receptive, recessive, residual, secondary, semi-bilingualism, societal, subordinate, subtractive, successive, symmetrical, true, vertical.

One more classification is suggested by S. Manina [3]. There are mass bilingualism and individual bilingualism. Each of them may be natural or achieved. The native speaker of natural bilingualism is society consisting of people living in the society as a natural environment. This kind of bilingualism embraces most people and it is acted as a means of international communication. Social bilingual is constantly realized in the native environment and must switch over two languages. In multinational countries for example, there is a trend of

smaller people to learn the official language of their country, to have an opportunity to realize their civic rights in full within their countries.

There is one more type of bilingualism of the professional type, an individual achieved one. Its representative is the interpreter, who usually speaks two languages for communication. Unlike natural bilingualism, which is usually collaborative effort of people, the interpreter bilingualism is involved into a professional career and is surrounded by particular social practice. Interpreter bilingualism is such a bilingualism characteristic feature of which is using two languages by an individual or a group of people in their professional activity to the particular communicative situation. But there is an idea that communication using the interpretation from one language to another is different from the usual bilingualism, where a bilingual person alter natively one language or another subject to the external environment. Interpretation requires simultaneous actualization of both languages. That is why a usual situation of bilingualism can be defined as a static bilingualism, and interpretation as a dynamic one. Within the dynamic bilingualism not only two languages but also two cultures come into contact. That is why an interpreter is always bilingual as he studies not only the language, but also the culture and other related subjects; though a bilingual not necessarily can be an interpreter, depending on a lot of factors including the stage of bilingualism formation.

One more representative of bilingualism is a teacher or a lecturer. The lecturer speaks two languages, uses knowledge in professional activity and shares it with students. This situation is quite different from the interpretation. At classes the full-fledged communication using the second language is not implemented, it is only modeled more or less successfully. Bilingual communication is different for two sides in the process of study: for the teacher it is a full-fledged bilingualism, and for the students it is a forced bilingualism associated with making efforts, straining memory and speech organs as there are some communicative barriers.

Modern society requires knowing more than one foreign language. Apart from professional activity a man nowadays has to resort to the use of foreign languages in his every-day communication. The most urgent at the moment is on-line communication through the internet. Modern system of education tries to keep up with the times, giving the opportunity for the students to learn two foreign languages. Mastering some foreign languages is accompanied by bilingual development of an individual, which is understood as a process of person's interaction, and later for parallel use of two or more language systems. At the first stages of being good at foreign languages requires acquiring a habit of switching over from one language to another, and at further stages-neutralization of one system for creation of more favourable conditions for the other system functioning.

Sociocultural bilingual development of students is directed at improving their communicative culture and spiritual potential, forming the need of their self-education and self-development.

While studying a foreign language some linguistic problems occur that students should overcome. Teaching the second foreign language is quite different from teaching the first one. Lecturers and teachers have great experience in pinpointing the things that favour its mastering, simplify this process and the things that hinder its mastering. One of the factors is the experience of studying the previous foreign language, method of work, the ability to switch over from one foreign language system to the other. Studying the second foreign language helps in mastering in articulation, detect semantic differences more easily. Students studying a second foreign language are characterized by a high level of learning capability. Though, studying a second foreign language includes particular difficulties. Similarity of language phenomena often causes interference: students perceive similar language phenomena, but do not take into consideration their differences. So, studying and teaching a second foreign language have some peculiarities that should not be ignored. Students mastering the second foreign language should be guided by their knowledge of their mother tongue and the first foreign language, in order to stimulate the transfer and avoid interference. That is why it is desirable for the teacher who teaches the second foreign language to be in touch with the first foreign language of his students or to have a good command of it. The new material should be presented from general to particular things, but not vice versa. Students should understand new language phenomena, comparing with similar ones in their own tongue or the first language. Multiple revisions, pair work, new elements activation in oral speech, confidence of the gained knowledge, satisfaction support students' motivation. While mastering the second foreign language students compare not only phonetics, vocabulary and grammar, but also every-day realities of the corresponding countries. Any educational activity, including communicative competence formation is realized in educational environment. That is why lecturers and teachers should make efforts to model language environment by all available means: to use multimedia, mass media, interactive computer technologies, video clips, advertisements. The role of a teacher is of great importance, as he becomes to be part of the speaking English world and draws the students into it.

Thus, having analyzed all the mentioned facts, we can come to the following conclusions: considering the absence of the comprehensive integral understanding of bilingualism as a multiple-aspect phenomenon, we have to make our own definition, actual for us, as university lecturers. This definition is a rather liberal one, but it doesn't contradict the viewpoint mentioned above. It should be noted that for the reason of the definition of bilingualism having been defined clearly, the classification of its diversity is also fuzzy. Also, attention should be paid to the fact that lecturers and teachers play a significant role in bilingual and multilingual formation.

REFERENCES

1. *Верещагин Е.М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.
2. *Залевская А.А., Медведева И.Л.* Психолингвистические проблемы учебного двуязычия. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002.
3. *Манина С.И.* Билингвизм в межкультурном пространстве // Культурная жизнь Юга России. 2007. № 6. С. 82-85.
4. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. М.: УРСС Эдиториал, 2004.
5. *Baetens Beardsmore H.* Bilingualism: Basic Principles. 2nd Ed. (Multilingual Matters). San Diego, California: College- Hill Press, 1986.
6. *Vereshchagin Y.M.* Psychological and methodical characteristics of bilingualism. М.: MSU, 1969.
7. *Weinreich U.* Languages in contact. Findings and problems. Kyiv: Vyshcha shkola, 1979.
8. *Weinreich U.* Monolingualism vs multilingualism // «Novoe v zarubezhnoy lingvistike». М.: Progress, 1999. Т.3. P.7-42.

2. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

*Елена Владимировна Дворниченко,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры лингвистики и МКК ИСК
«РГУ им. А.Н. Косыгина»*

«СОНЕТЫ К КАРТИНАМ» Д.Г. РОССЕТТИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСКУРСИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

D.G. ROSSETTI'S «SONNETS FOR PICTURES» IN THE CONTEXT OF DISCURSIVE INTERACTION

***Abstract:** The article treats the very first sonnets by D.G. Rossetti exploring the connection between visual code of a painting and perception as a sample of ekphrastic poetry anticipating future self-ekphrastic experiments of one of the founders of the Pre-Raphaelites brotherhood.*

***Keywords:** Dante Gabriel Rossetti, ekphrasis, Giorgione, Ingres, interdiscursive connections, Mantegna, Memling, painting, poetry, Pre-Raphaelites, sonnet.*

Творчество Прерафаэлитов (и живописное, и литературное) уже давно привлекает внимание исследователей, но последние 25-30 лет особый интерес вызывает проблема восприятия их наследия в контексте интермедиального подхода или другими словами синтеза искусств, что соотносится с окончательным закреплением в гуманитарных науках представления о том, что любое изображение – от наскального рисунка до фотографии и от живописного полотна до уличного граффити или уличной рекламы – может быть прочитано как текст (более того, любой объект, включая человека, также, по сути своей, является текстом)[11, с.10-42].

Текстом, который непосредственно связан с изображением и визуальной информацией является экфрасис. Экфрасис в широком трактовании есть описание визуально воспринимаемого объекта (изображений людей, мест, обстоятельств, сезонов года), восходящее к лингвориторическим упражнениям для подготовки ораторов в I – II вв.н.э. в Греции. В научный оборот термин «экфрасис» был введен в конце XIX в. специалистами по антиковедению и византистике, при этом термин использовался главным образом для обозначения искусствоведческих описаний произведений искусства [1, с. 259-260]. Между тем, экфрасис в художественной литературе – явление совсем не редкое, особенно в поэзии. В XIX в. экфрасис прочно входит в тематический инструментарий поэзии. Можно вспомнить «Оду к греческой вазе» Джона Китса, стихотворение *Ozymandias*

П.Б.Шелли, вдохновленное увиденными поэтом в Британском музее обломками статуи египетского фараона Рамзеса II, или «Горс Аполлона» Р.-М.Рильке, в котором поэт отразил свое видение и восхищение работами Поля Сезанна.

Многие художники пробовали себя в поэзии (Леонардо Да Винчи, Микеланджело), а поэты - в живописи (Дж.Эшбери, Г.Стайн), некоторые сочетали работу поэта и иллюстратора (У.Блейк). Но не все пробовали себя в экфрасисе. Для художников, критиков и поэтов братства Прерафаэлитов экфрасис был частью их идейной программы, так как их стремление создать новое искусство нуждалось не только в теоретическом обосновании (Рескин, Россетти), но и стремилось воздействовать на зрителя всеми доступными способами. И экфрасис был одним из таких средств.

Важно отметить, что экфрасисом называют не всякое описание произведения искусства, а лишь того, что существует или существовало в реальности (так, например, Филострат Старший описывал картины, которые не дошли до наших дней), поэтому нельзя назвать экфрастическими описания воображаемых предметов, будь то картины, скульптура или интерьер, которыми полны многие литературные произведения. Экфрасис всегда отсылает к изображению или предмету, которые читатель может увидеть своими глазами и составить собственное впечатление о них. При этом и автор, и читатель экфрастического описания по умолчанию принимают то, что словесное описание не способно передать все изобразительные эффекты, например, игру светотени, переход одного цвета в другой и т.п., однако автор дает возможность увидеть скрытую глубину произведения, благодаря широте и мощи интерпретации) [11, с.74-76]. Е.Д.Некрасова [3, с.125] называют это проявлениями поликодового текста, а О.В.Соколова – междискурсивным диалогом [4, с.22-23, 26]. Однако для поликодности характерно примерное равенство кодов, хотя один из них, как правило, выраженной в графической текстовой форме, имеет преобладающее значение. Поликодовый же текст всегда является переводом. Междискурсивное взаимодействие возможно внутри любого текста, оно предполагает использование средств, принадлежащие разным дискурсам, для достижения главной коммуникативной цели – одновременного эстетического и информативного воздействия на читателя. Жиль Делез назвал это процессом «амальгамирования», творческого сплава, который создает возможность и делает эту возможность реальной, а в современной лингвистике получило наименование полимодальности (термин М.Хэллидея).

Экфрасис может быть частью креолизованного текста (музейная этикетка, искусствоведческая научная или научно-популярная статья, аудиогид, жестовый перевод и т.д.), но поэтический экфрасис необязательно предназначен для восприятия совместно с описываемым объектом. Знакомство с последним желательно, но вполне достаточно некоего общего представления или даже воображения [11, с. 277-308; с.302-303].

Излюбленной мыслью Д.Г.Россетти было взаимодействие всех искусств, результатом которого становится рождение Прекрасного. Эта эстетическая концепция сочеталась с желанием объяснить назначение искусства и принципы красоты как проявление божественного, но также сделать свои произведения понятнее широким слоям публики, что было свойственно всем участникам Братства. Обе тенденции наиболее четко выражены в поэтическом творчестве Россетти, в котором представлены экфрастические описания как своих, так и чужих произведений.

Братство Прерафаэлитов, участниками которого в разное время были многие художники, художественные критики, поэты, обязано своим существованием У.Х.Ханту, Д.Г.Россетти и Дж.Э.Миллесу, обратившимся напрямую к наследию Средневековья и Прото-Ренессанса в поисках идеалов красоты и нравственного совершенства. Прерафаэлиты – сложное, многокомпонентное художественное явление, возникшее в середине XIX в. на фоне многообразных духовных и художественных исканий, характерных для Англии того периода и вызванных, с одной стороны, глубокими переменами в жизни общества, последовавшими за промышленной революцией, и, с другой стороны, общими тенденциями в стремлении преобразовать сферы культуры и искусства, придать новые импульсы классическим формам, которые явились логическим продолжением впоследствии приведут к глобальным переменам в мировой живописи, театре, архитектуре [5, с.10; 6, с.24].

Стоит отметить, что XIX-е столетие, которое в истории искусства характеризуется как период историзма, поиска национальных корней, изменения отношения к наследию Средневековья, интересом к реставрации не только античных и ренессансных, но и средневековых памятников. Изменение подхода к образованию и требования к профессионализации труда, общее повышение грамотности населения, массовая пресса расширили круг интересующихся искусством людей, однако в XIX, и даже уже в XVIII веке, количество знатоков, умеющих расшифровать старинные изображения, объяснить значение и необходимость присутствия того или иного символа на картине, значительно уменьшилось. Кроме того, благодаря Дж.Рескину (кстати, одному из авторов, владевших блистательной техникой экфрасиса) и Д.Г.Россетти, в английской культуре произошел своеобразный «итальянский» поворот, результатом которого стало пристальное внимание Прерафаэлитов к итальянскому искусству и философии периода раннего – «до Рафаэля» - Возрождения [5, с. 86-87]. В русле этой итальянской моды появляются стихи об известных и заново открываемых мастерах Возрождения, например, «Фра Липпо Липпи» и «Андреадель Сарто» Р.Браунинга. Не остался в стороне и Д.Г.Россетти, у которого к тому же были итальянские корни. Как и Рескин, Россетти комбинировал визуальные детали с отсылками к движению и звуку, звук соотносился с осязанием.

«Сонеты к картинам» — цикл стихотворений, который Россетти писал во время и после путешествия по Франции и Бельгии. Шесть стихотворений, вдохновленных произведениями искусства великих мастеров, были впервые опубликованы в 4 номере журнала «Росток» (The Germ), издававшегося Прерафаэлитами, 30 апреля 1850 г. Из шести сонетов два посвящались картине Ханса Мемлинга, два — картине Энгра «Анжелика и Руджеро» и по одному — картинам Андреа Мантеньи и Джорджоне (последняя ныне атрибутируется как работа кисти Тициана и его мастерской). Таким образом, четыре сонета посвящены работам художников эпохи Возрождения и два — картинам современника Россетти. Впоследствии эти сонеты составили цикл в прижизненно изданном сборнике стихов, но поэт сам исключил сонеты о Мемлинге, зато добавил сонеты о «Мадонне в скалах» Леонардо да Винчи, картине своего современника Берн-Джонса и некоторые другие. В сборнике 1872 г. цикл сонетов называется «Sonnets for Pictures», в недавних изданиях «Sonnets on Pictures». Остальные сонеты вошли в состав сборника с незначительными изменениями.

На наш взгляд, первые шесть сонетов, опубликованные в журнале, представляют интерес с точки зрения реализации в них междискурсивного диалога и предваряют последующие экфрасические стихотворения Россетти, лучшие из которых являются селф-экфрасисом («Venus Verticordia», «Sybilla Palmifera», etc), так как в них автор описывает собственные произведения. Однако уже в ранних поэтических произведениях вполне явно проступает тенденция к показу взаимодействия визуального и текстового кодов, а внутри самих текстов наблюдается стремление задействовать почти все варианты дискурса, связанные с восприятием — зрение, слух, осязание, вкус, запах.

В качестве поэтической формы для представления картин, производивших на него особое впечатление, Россетти избрал классический сонет, что свидетельствует об огромном уважении и почтении по отношению к предшественникам. Ведь сонет — та стихотворная форма, в которой принято выражать высочайшую степень симпатии, любование красотой и гармонией. Традиционно говорят об итальянской (петраркианской), французской и английской (шекспировской) форме сонетов. Существовал и испанский сонет, однако эта форма не получила дальнейшего развития. Россетти отдает дань почтения именно итальянскому Возрождению (и одновременно своим итальянским предкам), избрав форму сонета, отточенную самим Франческо Петраркой: 14 строк, причем первые 8 составляют два катрена, а оставшиеся шесть являются секстетом. Рифма — кольцевая в первой части, перекрестная — во второй части.

Россетти назвал сонет «памятником мгновению», выхватывающим фрагмент, деталь из бесконечной Вечности («The Sonnet»), но тут же, уподобив сонет монете, у которой две стороны, подчеркнул способность текста открывать невидимое, которое может показать возвышенное, но может

показать и темное, мрачное, не называемое [8, с.161]. Наиболее подробно описание картины Энгра, наиболее абстрактно – Мантеньи. Любопытно, что художник Россетти редко упоминает цвет напрямую (синий, зеленый), давая представление о цветовой гамме косвенно (цвет грозового неба, сумрак, золото книги, нежная девичья кожа). А в экфрасисе картины Мантеньи вовсе избегает отсылок к цвету, выдвигая на первый план движение.

Но, прежде всего, очевидна общая линия всех шести сонетов, связанная со звуком. В первом сонете «Мадонна с младенцем», посвященном картине фламандского художника, которого Россетти впервые открыл для себя, возникает мотив тайны, молчание и мучительного стога. Во втором сонете, который посвящен святой Екатерине, младенец Христос надевает на палец кольцо, символизирующее ее статус Христовой невесты, и в этой сцене звучит мучительная музыка, написанная ангелами. Третий сонет является экфрастическим описанием одной из лучших картин Андреа Мантеньи «Танец нимф» (Парнас) из собрания Лувра. Здесь звучит пронзительная музыка («musicrang / Sharp through his brain») [9, с. 261].

В «Венецианской пасторали» Джорджоне (Россетти считал именно его автором картины) помимо сельского концерта вновь возникают звуки воды, которая превращается в угрожающий шум моря в экфрасисе картины Энгра [8, с.263-264]. Музыка не только приятна, она причиняет боль, как причиняет боль Марии знание о будущем, уготованном ее сыну («The ended pang of knowledge, the which now / Is calm assured») [10, с.79], или та печаль, которая сопровождает знание о будущей мученической кончине юной Екатерины («Her life is sad and mild, / Laid in God's knowledge—ever unenticed / From Him, and in the end thus fitly priced») [10, с.79]. Даже в сельской идиллии неожиданно звучит траурная нота: «Now the hand trails upon the viol-string / That sobs; and the brown faces cease to sing, / Mournful with complete pleasure» [9, с.260].

Интересно и то, что расположение сонетов, сделанное самим автором, позволяет проследить появление первого звука среди молчания (Мемлинг), за которым звучит ангельская музыка, потом нимфы кружатся в танце, который сменяются протяжными звуками виолы на летней жаре, и, наконец, мирный плеск воды превращается в нечленораздельные звуки моря и молчаливое ожидание Анжелики. Можно сказать, что Россетти вводит и дискурс вкуса: соленые слезы, соленая вода. Запахи представлены ароматами летних трав, морем, возможно, запахом крови. «Закольцовывается» мотив прикосновения: что-то незримое оставляет свой отпечаток на лице Мадонны («What more of anguish than / Endurance oft hath lived through, the whole space / Through night till night, passed weak upon her face / While like a heavy flood the darkness ran?»)[9, с.79]; младенец прикасается к руке Екатерины, ангел прикасается к струнам, Мария перелистывает страницу; музыкант ступает по камням, волосы пробегающих нимф касаются его лица; из глаз его брызнули слезы; обнаженное тело девушки способно

чувствовать и летний зной, и прохладу зеленой травы; обнаженная Анжелика чувствует холод камня, брызги волн, даже ее спаситель облачен в холодные металлические латы, резко, почти болезненно контрастирующие с беззащитным обнаженным телом. Чудесное спасение Анжелики из лап смерти обретает иной смысл, если вернуться к первым строкам экфрасиса Мемлинга: «Mystery: God, Man's Life, born in toman / Of woman.»

Для Россетти важен этот смысловой повтор, баланс между образами и звуками, звуком и ощущением, так как красота основана на гармонии, а любое искажение способно уничтожить гармонию. Все элементы призваны взаимодействовать между собой и воздействовать на зрителя/читателя. Ритм - пятистопный ямб придает торжественность и плавность течению текста - и рифма помогают удерживать единство восприятия.

По сравнению с селф-экфрасисом стихи к картинам других художников, на первый взгляд, менее сложны для восприятия, в них гораздо меньше аллегорий и мифологических отсылок, зато в качестве поэта Россетти обращает внимание на детали, ускользающие от обычного зрителя, сосредоточенного на восприятии основного сюжета. Но именно эти детали безошибочно дают понять, о творении какого мастера речь.

Для Россетти важнее всего не просто впечатление, производимое произведением искусства, но то, как искусство воздействует на зрителя. Поэт Россетти намеренно смешивает высказывания разных дискурсов или (модусов - тактильного, музыкального, визуального, - представленных посредством единственного канала коммуникации – поэзии.

В стихотворном экфрасисе рождается новое восприятие, свежее представление о чем-то давно знакомом и много раз виденном, что, не отменяя имманентного несовершенства любого экфрасиса, является естественным. Опыт восприятия превращается в символы восприятия и актуализируются всякий раз, когда возникает наименование этого символа [3, с.126-127]. Восприятие искусства – сложный процесс, который возникает как следствие живого и постоянного взаимодействия различных коммуникативных дискурсов: визуального (графическая форма текста, потенциально знакомый образ объекта искусства), аудиального (стихи, в принципе, предназначены для восприятия на слух, их ритмическая организация), кинетического (перелистывание страниц, прикосновение к бумаге). Сонеты Данте Габриеля Россетти – один из ярких и самодостаточных примеров такого взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Брагинская Н.В.* Экфрасис как тип текста (к проблеме структурной классификации) // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели: структура балканского текста. М.: Наука, 1977. С.259-283.

2. *Костина А.К.* Отражение духовных исканий английского общества середины XIX в. в творчестве прерафаэлитов. Дисс.канд.истор.наук. Саратов, 2017.
3. *Некрасова Е.Д.* К вопросу о восприятии полимодальных текстов. // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 45–48.
4. *Соколова О.В.* Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. М.: ИТДГК «Гнозис», 2014
5. *Токмачева П.А.* Образы итальянского Ренессанса в контексте английской культуры XIX - начала XX века. Дисс.канд.философ.наук. М., 2016.
6. *Barringer T., Rosenfeld J., Smith A.* Pre-Raphaelites. Victorian Avant-Garde. L.: Tate Publishing, 2012.
7. *Rose A.* The Pre-Raphaelites. L., N.Y.: Phaidon Press Limited, 2011.
8. *Rossetti D.G.* Ballads and Sonnets (1881). L.: F.S.Ellis, 1872. 1 ed.1882.
9. *Rossetti D.G.* Poems. London: F.S. Ellis, 1872. 6th ed. 282 p.
10. *Rossetti D.G.* Selected Poems and Translations. New York: Routledge, 2002.
11. *Sarapic V.* Picture, text, and imagetext: Textual polylogy //Semiotica. 2009. 174-1/4. P. 277-308.
12. *Wagner P.* (ed.) Icons - Texts - Iconotexts: Essays on Ekphrasis and Intermediality. Berlin: Walter de Gruyter, 1996.

Жанна Александровна Береснева,
доцент кафедры
славяноведения и культурологии ИСК
«РГУ им. А.Н. Косыгина»

**ПУТЕШЕСТВИЕ КАК ФОРМА ДИАЛОГА КУЛЬТУР
(НА ПРИМЕРЕ ЖАНРОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ)**

**TRAVELS AS A FORM OF INTERCULTURAL DIALOGUE
(GENRE PECULIARITIES OF RUSSIAN LITERARY TRAVELS)**

***Abstract:** In focus - cultural display of a journey. Having analyzed historical and cultural problems of Russian literary travels at various stages, the author highlighted and characterized their cultural anthropological components. Classical works of this genre reflect a model of description of contemporary culture and show a process of cultural anthropology formation in Russia.*

***Keywords:** culture, enlightenment, research of culture, philosophy culture, symbol, travelling public.*

...*Je suis né sous l'astre de voyage...*
(*Я родился под звездой путешествий.*)

Вл. Соловьев.

Одним из важнейших аспектов изучения культуры является вопрос исследования процессов, происходящих между двумя различными культурами, а также между субъектами культур – индивидами. Этот сложный и противоречивый процесс в целом называют – «взаимодействием культур», или диалогом. В различные времена человечество по-разному подходило к решению конфликтов, да и сегодня эти проблемы не исчерпаны. Характер такого взаимодействия (его разнообразные виды, типы и способы) особенно важен в наши дни, когда на поверхность выходят очень острые политические и экономические, религиозные и культурные конфликты, в которые вовлечено множество людей и обществ.

«Диалог культур» это не столько строгий научный термин, сколько своеобразная литературная метафора, которая получила в XX веке статус политико-идеологической доктрины, которой стоит руководствоваться для решения множества современных конфликтов. Хотя сама идея диалога сформировалась в философии Марбургской школы, ее популяризатором стал Мартин Бибер. В его творчестве особую роль играет тема межличностного диалога, построенного на противостоянии позиций Я-Ты, а также тема сложных и многоликих взаимоотношений личности с бытием, реализующимся в процессе диалога Я-Оно.

В культурологии проблема диалога была по-новому переосмыслена в работах М.М.Бахтина. Особое место он отводит диалогу, предполагающему наличие в культуре ценностно-смыслового ядра. Он ставит задачу – построить гуманитарную концепцию диалога культур как особого «речевого жанра», постоянно престаупающего собственные пределы ради общения с другими жанрами и формами построения целого. Такое мышление имеет дело только с текстом как с истоком мировой культуры и вместе с тем ориентировано на смысл вне текста, заключенного в личности и поступках автора. На основе художественного текста, участники такого диалога могут находиться на «тысячи лет» друг от друга. Именно такие отношения мыслитель и называет диалогическими.

Примером таких диалогических взаимоотношений может служить традиционный для русской литературы жанр путевой прозы. Исследование структуры и семантики путешествий как литературного жанра и культурного стиля той или иной эпохи невозможно без осмысления одной из ведущих идей путешествия – *идеи пути*. С пониманием пути как духовного искания, познания законов бытия неразрывно связаны в сознании русского человека понятия времени и пространства, их взаимодействия. В мифопоэтической и религиозной традициях мифологема пути связана с передвижением в пространстве и времени, либо как связь между разными горизон-

тальными пространствами, где путь выступает как метафорическое пространство, как обозначение линии поведения (особенно часто нравственного, духовного) [12, с.353]. Путь, дорога всегда ассоциировались с судьбой русского человека, его призванием, стезей. Возможно, это связано с представлением о географии родной страны. Географическое пространство родной земли воспринимается русским человеком как стимул к движению, как в пространстве, отсюда важную роль играет пейзаж, так и внутри себя, отсюда и стремление к самопознанию через окружающий мир. Все это нашло свое отражение в русской литературе.

Нужно отметить, что сама идея пути для русской культуры – одна из наиболее значимых, входящих в архитипическую систему взглядов, образующих ментальные установки и картину мира. Для русской культуры *путь* – это еще и глубоко сакральное понятие, в большей степени объясняющее направление собственно индивидуального, глубинного жизненного пути каждого отдельного человека.

Путь, дорога для русского человека всегда имели не только мистический, но и практический смысл. Бытовые формы путешествия: приключения и странствия, маргинальные практики ухода от действительности, выразившиеся в странничестве, отшельничестве, изгойничестве, эмиграции и ссылке насыщают мифологему пути энергией «пассионарного энтузиазма», тоской по свободному пространству и остротой историософского переживания пути. Необозримые горизонты и богатейшие многомерные пространства земли русской объясняют любовь соотечественников к путешествию как способу распознавания пространства, и собственно жизненного поведения. А в самом контексте путевой прозы понятия «пространство» и «время» играют сюжетобразующую роль. В процессе создания самого литературного текста пространство и время формируют некую завершенную картину культурного пространства данной эпохи, которое тесно переплетается с пространством географическим, этническим, политическим, социальным, художественным.

В литературном путешествии эта ситуация отразилась в ориентации на родное пространство, которое воспринималось по традиции, идущей от древнерусских «хождений», как сакральное. Путешествие как бы спрессовывает время, и все события в пути развиваются достаточно динамично. Впоследствии возникает особое культурное явление, выразившееся в моде на путешествия (будь то паломнические или светские), которые становились определенным способом познания действительности, безусловно, связанным с определенной личностной жизненной парадигмой и стереотипным образным пониманием культуры своего времени. В рамках русской литературы путь, движение, дорога – это и лирическая тема, и сюжетобразующая линия, и средство художественной изобразительности, и образ-символ.

В системе русского литературного путешествия образы пути,

организующие повествование и сюжет, могут быть соотнесены с развитием культурфилософской мысли в России и художественных направлений:

1) путь как подвиг (средневековая Русь, «Хождение игумена Даниила»)

2) путь как самообразование (XVII век, путешествия П. Потемкина, П.А. Толстого, Б.П. Шереметьева);

3) путь как воспитание духа, чувств (XVIII век, Просвещение Н.М. Карамзина, Радищева);

4) путь как научное исследование (XVIII век, физико-географическое описание, С.П. Крашенинникова, В.Ф. Зуева, И.И. Лепехина, П.С. Палласа);

5) путь как уход от действительности, подвиг во имя Отечества (XIX век, Романтизм, путевая проза К.Н. Батюшкова, А.А. Бестужева-Марлинского, А.Ф. Вельтмана, Ф. Глинки, В.К. Кюхельбекера, А.Н. Муравьева);

6) путь как познание, исследование культуры (XIX век, *натуральные очерки* А.С. Пушкина, В.П. Боткина);

7) путь как критическое исследование жизни, ее социально-исторических закономерностей (XIX век, критический реализм П.В. Анненкова, А. Герцена, Ф.М. Достоевского, А.Н. Пыпина, М.Е. Салтыкова-Щедрина);

8) путь как со-знание культуры (XX век, символизм в литературе А. Белого, В. Брюсова, А. Волынского, П.П. Муратова).

Образ пути рисует перед нами и определенную форму диалога, связанного с парадигмой культуры своего времени. «Путешествие питательно для *духа* и *сердца* нашего» [8, с.160], – говорил Н.М. Карамзин. Наивный энтузиазм «русского путешественника» вполне в духе просветительской эпохи, придававшей путешествию мировоззренческий характер – как возможности обрести отстраненный взгляд на жизнь. С точки зрения просветительской эпохи диалог культур выстраивался через призму познания европейского (просвещенного) мира и поиск новых путей развития русской культуры.

Путешествие для романтика, как отмечено выше, способ уйти в себя, таким образом, это выход на иные реалии путешествия, иное пространство бытия, которое кажется свободным. Например, путешественник Вяземского устремлен в стихию своего я, занят самопознанием:

Отъезжать люблю порою,

Чтоб в самого себя войти,

И говорю другим: прости!

Чтоб поздороваться с собою... [6, с.188]

Для другого типа романтика путешествие, дальние странствия сопряжены с героическими деяниями, подвигом во имя Отечества. Романтик-путешественник – это либо ратник, разделивший со страной и народом ее тяжелую судьбу (военные походы), либо образ скитальца, изгнанника,

странника-страдальца. Например, Ф.Н. Глинка в своих «Письмах русского офицера» признается: «*Странствую по сгорающей земле, под небом, не внемлющим жалобам смертных <...> Мы теперь нищие, с благородным духом, бродим уныло по развалинам своего отечества*» [7, с.42]. Можно сказать, что происходила определенная трансформация образа русского путешественника, вариантом которого становится образ паломника, имевший глубинные связи с православной традицией, но одновременно явившийся отражением идей и веяний новой героической и трагической эпохи. Романтическое путешествие и одновременно странствие паломника порождает в русской литературе конца 20–40-х годов XIX столетия особый образ пути. «Тогда, расположенный грустью и навыком долгих лишений, к *предприятию тяжкому*, решился я следовать, наконец, давнишнему влечению сердца и, преодолев любовь к родине, которая меня к себе манила, *пуститься в новый, дальний путь*, от ранних лет начертанный в моих мыслях, к *священной цели*, которой уже не мог миновать на жизненном поприще» [9, с.14-15]. – паломническое путешествие А.Н. Муравьева выстраивает и определенные диалогические перспективы времени.

Путешествие как вариант критического взгляда на жизнь, ее социальные законы и нравственные ориентиры можно увидеть в письмах эпохи зарождения и развития реализма как литературного направления. Например, в очерках М.Е. Салтыкова-Щедрина мы читаем: «Все в мире выясняется только при посредстве сравнительного метода<...> Переехавши за границу, *русский культурный человек* становится необыкновенно деятельным» [11, с.188]. По мнению Белинского, «...поездки за границу чрезвычайно полезны нам: многие из русских *отправляются* туда *решиТЕЛЬНЫМИ европейцами*, а *возвращаются* оттуда сами не зная кем, и потому самому с *искренним желанием сделаться русскими*» [3, с.19], - более чем яркая характеристика диалогического пространства этого времени.

Символическая концепция миропонимания представила идею пути, путешествия как со-переживания жизни, и со-творчества культуры, что нашло отражение в русской литературе этого времени. Само путешествие мыслилось как процесс перерождения души через призму замысловатых символов. Движение, дорога ощущались символистами как путь к вечным, незыблемым ценностям. «...На Римском форуме и в подземельях Палатинских дворцов я явно *ощущал* веяние давно исчезнувшей жизни; на Аппиевой дороге *сам чувствовал себя римским гражданином*, как если бы не было двух тысячелетий, отделявших меня от эпохи Цицерона...» [5, с.32]. Перемещение в реальном пространстве превращается в путешествие во времени, образ пути двойится: погружение в историю переплетается и сливается с реальной дорогой, а эпохи и личности прошлого оказываются ответственными за кризисы современного европейского сознания.

Понимание жизни как дороги порождает философскую рефлексию путешественника и продуцирует культурфилософские тексты. Так в путе-

вых заметках К. Бальмонта «Край Озириса: Египетские очерки» мы встречаем размышления о судьбах мира: «Двигается человек или не движется, и если движется, то по прямой линии, в поступательном направлении, или по кругам и спиральям?» [1, с.14] Мистические предзнаменования символистов вылились во множество художественных образов и стали предтечей культурфилософского анализа, в том числе и проблемы диалога в культурологии. Проблема диалога культур чрезвычайно сложна и многогранна. По В.С. Библеру, каждая культура имеет свой особый тип загадочности (энигматичности) и свой специфический способ разгадывания (свой тип разума). Общим основанием всех культур, на котором они могут *со-общаться* друг с другом и не терять специфики, является специфически загаданное для каждой культуры «бесконечно возможностное бытие» [4, с.42].

В русской культуре само путешествие мыслится как пространство, где происходит не только встреча разных культур, разгадывание собственной культуры через другую, но и понимание своего жизненного провиденциально заданного пути, что для русского человека неизменно связано с образом дороги. Она, по словам А.А. Панарина, превращается в «*мотив тоскующей души*» и ярче всего «характеризует наше русское мироощущение с присущим ему острым чувством земной бесприютности. Но дорога – это бесприютность особого рода: обнадеживающая» [10].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бальмонт К.* Край Озириса: Египетские очерки. М.: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и Ко, 1914.
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
3. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. X.
4. *Библер В.С.* Культура. Диалог культур // Вопросы философии. 1989. № 6. С.31-42.
5. *Брюсов В.Я.* На «Святом Лазаре». Путевые впечатления // Брюсов В.Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
6. *Вяземский П.А.* Коляска // Стихотворения. - Л.: «Советский писатель», 1958.
7. *Глинка Ф.Н.* Письма русского офицера. М.: Воениздат, 1987.
8. *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника // Соч.: В 2 т. М., 1984. Т. 1.
9. *Муравьев А.Н.* Путешествие ко Святым местам в 1830 году: В 2 ч. СПб., 1832. Ч. 1.
10. *Панарин А.С.* Н.В. Гоголь как зеркало русского странствия по дорогам истории (Электронный ресурс <http://www.moskvam.ru/2003/06/panarin.htm>).
11. *Салтыков-Щедрин М.Е.* За рубежом // Собр. соч.: В 9 т. М.: Изд-во «Художественная литература», 1980 Т.9.
12. *Топоров В.Н.* Путь // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. М.: «Советская энциклопедия», 1992. Т. 2.

*Наталья Сергеевна Фуражева,
кандидат культурологии, доцент
кафедры лингвистики и МКК ИСК
«РГУ им. А.Н. Косыгина»*

КУЛЬТУРА ДЕТСКОГО ДВОРЯНСКОГО ПИСЬМА В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

CULTURE OF NOBLE CHILDREN LETTER IN RUSSIA OF THE SECOND HALF OF THE 18TH – FIRST HALF 19TH CENTURY

***Abstract:** The article tells about the difficulties of formation of the Russian epistolary language in the heyday of the noble class. At this time, epistolary etiquette training of children of the nobility was an important part of the educational process. Private noble children letter is a valuable source of information about the culture of communication in Russia in the second half of the 18th - first half of the 19th century.*

***Keywords:** childhood, culture of communication, education, epistolary language, spiritual values, tradition.*

Духовная культура какого-либо народа или сообщества представляет собой сложный символический текст и наследуется исключительно посредством системы преемственности многих поколений людей. Когда культура такого сообщества уходит в прошлое, обычно исчезает и ее духовная составляющая. Многие культуры для того, чтобы побороть страх своего исчезновения, при помощи письменности фиксировали следы удаляющегося прошлого, воспоминания давно умерших или славу ныне живущих, все то, что не должно было быть предано забвению. Все эти письменные свидетельства прошлого призваны были храниться в архивах для того, чтобы не исчезнуть навсегда со скрижалей истории [11, р. 7].

Важную часть духовной культуры составляет культура общения. Она в значительной степени эфемерна, загадочна и сложна в изучении. Воссоздать и передать для последующих поколений характер взаимоотношений людей ушедших эпох, проникнуть в особенности их миропонимания, и в то же время почувствовать непрерывность культурно-исторического процесса позволяют многочисленные письменные источники. Для исследования культуры общения дворянства в России в период самого расцвета благородного сословия бесценными письменными свидетельствами прошлого являются альбомы, дневники, мемуары, а так же литературная и частная переписка.

Для многих частных дворянских писем второй половины XVIII – первой половины XIX века характерна очень узкая грань между обыденной

жизнью и литературой. Литература насыщала письма своими приемами, формировала их структуру и стилистику, а письма в свою очередь, становились достоянием литературы. Этим и объясняется такой литературный прием, как описание происходящего в форме дневниковых записей, мемуаров, путевых записок и писем. Излюбленным жанром сентиментализма становится «роман в письмах» [10].

В России XVIII столетия под воздействием культурных реформ возникают новые поведенческие ориентиры. Переписка становится неотъемлемой частью жизни образованных людей. К соблюдению письменного этикета начинают предъявлять высокие требования. Появляется множество руководств по написанию писем – письмовников, которые переиздавались практически ежегодно. В большинстве своем это были переводные издания, но к концу столетия стали появляться и руководства русских авторов [2].

В любом письмовнике давались все необходимые советы и рекомендации, в качестве примера рассматривались выдержки из писем великих людей. Большое значение имели образцы обращений к различным адресатам. Величание особы, к которой обращено письмо должно было соответствовать ее чину и состоянию. Например, обращение «Милостивый Государь» относилось ко всем, кто превышает достоинством пишущего, и к кому он имеет особенное почтение (обычным обращением детей к родителям было «Милостивый Государь Батюшка» и «Милостивая Государыня Матушка»). Титул «Государь мой» предназначался к равным или низшим по общественному положению. Слова обращения писались с заглавной буквы и часто повторялись в тексте: Ваше Величество, Ваша Светлость, Ваше Сиятельство и т. п. Заканчивалось письмо обычно изъявлением почтительности, например: «я есть с глубочайшим почитанием, или с искренним почитанием», потом повторялся титул, указанный в начале письма, с прибавлением формул вежливости: «ваш покорнейший и послушнейший слуга». В конце письма ставили подпись и указывали дату и место написания. Вообще же слог писем должен был быть не слишком высоким, простым, непринужденным, внятным. Однако для того, чтобы придать своему слогу непринужденность и благородную простоту, необходимо было основательно знать свой язык «дабы не потерять равновесия» [2, с.2].

Сложность заключалась в том, что языком общения образованных представителей дворянского сословия был язык французский. На французском написано и большинство частных писем указанного периода.

У французского письма в русском обиходе были свои уникальные преимущества. Оно открывало возможность в необходимых случаях как бы заслониться общепринятым речевым оборотом, не брать на себя ответственности за слово. Только на французском языке можно было создать письмо-исповедь или письмо-наравоучение, стать в позу разочарованного и страдающего героя.

Процесс формирования русского эпистолярного языка шел очень долго и трудно. Потребовались десятилетия для поиска новых слов, выражающих все смысловые оттенки русской речи [4, с.15-16]. Новые слова довольно часто приходили из чужого языка.

Дворянских детей начинали учить написанию писем с самого раннего возраста. От степени владения эпистолярным искусством зависела не только успешная карьера светского человека и его признание в обществе, но и уважительное отношение в семейном и дружеском кругу. Детей учили сначала составлять черновики, а затем переносить текст уже без поправок и исправлений на чистый разлинованный лист бумаги. Никакого отступления от принятого эпистолярного этикета не должно было быть даже в письмах к родителям или самым ближайшим родственникам. «И вас Милостивый Государь Дедушка Андрей Тимофеевич и Милостивыя Государыни Бабушки Марья Абрамовна и Александра Михайловна честь имею поздравить с праздником и так же с новорожденным внуком а с моим маленьким братцем Александром Павловичем, которого желаю вам видеть в совершенном возрасте, присеем прилагаю образец писания моего на разных языках прося невзыскать что еще несовершенно писано; и припожелания вам всех на свете благ, целую мысленно ваши ручки и с душевным к вам почитанием и любовью честь имею пребыть всепокорнейший внук ваш Алексей Болотов» [9].

В детских дворянских письмах второй половины XVIII – первой половины XIX столетия с большой точностью передается непосредственное переживание текущего момента. По этим бесценным эпистолярным источникам мы можем судить о том, что волновало и интересовало дворянских детей давно ушедшей эпохи, проследить какую трансформацию претерпевали их мысли и чувства, и какое влияние их детские переживания могли оказать на формирование характера уже повзрослевших людей. В детских письмах рассматриваемой эпохи как в зеркале отражается новая система ценностей и новая система воспитания, пришедшие в Россию с Запада и дополнившие многие нравственные требования, утвердившиеся на Руси еще в допетровскую эпоху. В этот период многие молодые дворяне едут учиться за границу. В стране появляются иностранные учителя. Формируется поколение людей нового склада, способных воспринимать лучшие достижения западноевропейской культуры и акклиматизировать их на русской почве.

Основные нравственные установки и первоначальное образование детям давали в семейном кругу [3, с. 9]. Многие предметы преподавали родители. Матери чаще всего обучали детей музыке и вокалу. Для обучения иностранным языкам нанимали гувернеров и гувернанток. «К нам теперь приходит Мадам Ольдерош. Она дает нам уроки французского, немецкого, истории, географии и арифметики. Молите Бога, чтобы я хорошо учился» [8]. Воспитание было направлено на то, чтобы отшлифовать личность ребенка соответственно определенному образцу. Соответствующие привычки

прививались с раннего детства и сопутствовали человеку в течение всей жизни при любых обстоятельствах. Предполагалось, что каждый мальчик – будущий офицер, поэтому с раннего детства в нем воспитывали необходимые качества: храбрость и выносливость. Обучение верховой езде, плаванию, владению оружием было обязательно.

Требования выносливости и ловкости, хотя и в смягченной форме, предъявлялись и к девочкам. О подобной системе воспитания говорит коротенькое детское письмо Софьи Владимировны Голицыной, дочери Голицыной Натальи Петровны. «Мой брат Борис, я очень сожалею, что Вы сейчас не с нами. Мне очень весело в деревне, мы выезжаем на охоту, и папа заставляет меня садиться на лошадь. Я гуляю целыми днями. Передайте мои поклоны Мсье Оливье и брату Дмитрию. Софи» [7].

Очень часто определяющей в процессе воспитания была именно роль женщины-матери. Таким непререкаемым авторитетом стала для своих детей Александра Федоровна Черепанова (в замужестве Боратынская). Выпускница Смольного института, одна из любимых фрейлин императрицы Марии Федоровны, прекрасно образованная, обладательница блестящих манер и прекрасных душевных качеств, она, выйдя замуж за Абрама Андреевича Боратынского, последовала за мужем в родовое имение его семьи, усадьбу Мара Тамбовской губернии. Наравне с супругом А. Ф. Боратынская принимала участие в строительстве усадьбы, занималась устройением сада и парка, выписывала книги и ноты из столицы, а также занималась воспитанием и обучением детей. Став после смерти мужа полновластной хозяйкой всего обширного имения и употребляя все свои силы на ведение большого хозяйства, Александра Федоровна ни в коем случае не пренебрегала этой последней обязанностью.

«Воспитание детей Александра Федоровна основывала на тех же принципах, которые были присущи Смольному институту: доверительные отношения, поощрения, приобщение к чтению книг и развитие естественного желания учиться, эстетическое воспитание, идеальные представления о мире» [1, с.189]. Как это было принято и в других дворянских семьях, как только детям исполнялось четыре-пять лет, для их обучения в усадьбу приглашались иностранные учителя, поэтому писать по-французски и по-немецки они начинали гораздо быстрее, чем на родном языке. В семье Боратынских делался акцент на эстетическое воспитание. Дети учились рисованию, живописи, музыке, литературе.

Как и во многих дворянских семьях традиции воспитания в семье Боратынских передавались через поколения. Сыновья Александры Федоровны в свою очередь перенимали методу воспитания матери для совершенствования собственных детей. Судя по многим письмам из личного архива Боратынских, хранящихся в РО ИРЛИ РАН, как дети, так и внуки А. Ф. Боратынской испытывали к ней искренние чувства любви, доверия и глубокого почтения.

«Моя дражайшая Мама. Эти праздники, как обычно, мы проводим у дядюшки. Нам здесь очень хорошо. Но нам осталось пробыть здесь всего лишь один день, и поэтому мы торопимся подготовиться к занятиям, так как скоро должны отправляться в Пансион. <...> До свидания, дорогая мама. Желаю Вам здравствовать. Передайте мои поклоны Софи, Натали, Варваре и Сержу, а так же Месье Борису <...> Еще раз до свидания, желаю Вам здравствовать. Остаюсь Ваш покорный сын. Леон Боратынский» [5].

«Дорогая и милая бабушка! Я спешу сообщить Вам наши новости и поблагодарить за ваше очаровательное письмо из Воронежа. Мы очень грустим, и время без вас кажется нам очень долгим. Если бы еще было лето, но осенью время и без того не так уж коротко и приятно. Так редко выпадают хорошие дни, когда можно прогуляться. Вот уже начинаются долгие вечера, и мы, как и зимой собираемся вокруг стола каждый со своей работой. Зима покажется нам долгой еще и из-за нашего нетерпения скорее видеть Вас. <...> Искренне почитающая Вас внучка. Лиза Дельви́г»¹.

«Моя дражайшая бабушка! Нас очень опечалил Ваш отъезд, но немного утешило Ваше обещание часто писать нам. Самое большое удовольствие для нас – это получать Ваши письма. <...> Я искренне благодарю Вас за Вашу память о нас, дорогая и милая бабушка. Мы были так счастливы, прочитать в Вашем письме рара и тапан строчки адресованные нам. Я молю Бога о вашем здоровье, и нежно целую ваши ручки. Мишель и малыши присоединяются к нам. <...> Искренне почитающая Вас внучка. Александрина Боратынская» [6].

Дворянское воспитание вырабатывало у детей комплекс естественных привычек, которые помогали координировать и упорядочивать повседневную жизнь. К числу таких привычек можно отнести ведение дневников. Предполагалось, что приведение в порядок своих мыслей, идей и впечатлений помогало делать соответствующие выводы, замечать свои ошибки или достижения, формировало аналитический склад ума, и, в свою очередь, позволяло добиваться такого же порядка на практике, в собственных делах и поступках. В детском письме Софьи Александровны Вуич, адресованном тетушке Елизавете Михайловне Шаховской, содержится упоминание об этой нехитрой, но непреложной обязанности. «Дорогая тетушка, я пишу мой дневник, но не очень прилежно. В новом году я стану более обязательной» [8].

По огромному количеству детских дворянских писем периода второй половины XVIII – первой половины XIX в., хранящихся в многочисленных русских архивах, можно судить не только о характере взаимоотношений близких и далеких друг другу людей, об уже известных и неизвестных ис-

¹ Лиза Дельви́г – Елизавета Антоновна Дельви́г (1830 – 1913), дочь поэта Антона Дельви́га. Мать Елизаветы Антоновны Софья Михайловна с 1831 г. вторым браком была за Сергеем Абрамовичем Боратынским и жила в Тамбовской усадьбе Боратынских – Мара. Александру Федоровну Лиза звала бабушкой.

торических событиях, на фоне которых разворачивались человеческие судьбы, но и о том, как заложенные в детстве привычки, этические принципы и правила поведения русского дворянина поддерживались и развивались на протяжении всей его жизни, а впоследствии передавались из поколения в поколение уже собственным детям.

Важно отметить, что изучение таких личных источников как частная переписка полезно не только в рамках культурно-исторической реконструкции. Сохранение и воссоздание наиболее значимых духовных ценностей прошлого необходимо для поддержания высокого уровня культуры современного общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Климкова М.А.* «Край отеческий...». История усадьбы Боратынских. СПб., 2006.
2. Краткие правила, способствующие к научению сочинять разного рода письма, с приобщением примеров из славнейших писателей. Перевод с французского. М.: Б. И., 1788.
3. *Ларионова М.Б.* Дворянская усадьба на Среднем Урале: Вторая половина XVIII – начало XX в.: автореферат...кандидата исторических наук: 07.00.02 Екатеринбург, 2006.
4. *Макогоненко Г.П.* Письма русских писателей XVIII века и литературный процесс.//Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980.
5. РО ИРЛИ РАН, Ф. 33, Оп.№1, ед. х.31 (Боратынские). Боратынский Лев Абрамович. Письма Боратынской Александре Федоровне, матери на франц. яз. <1814 - 1817>. (Здесь и далее перевод автора).
6. РО ИРЛИ РАН, Ф. 33 Оп. №1, ед. х. 34. (Боратынские), Дельви́г Елизавета Антоновна. Письма Боратынской Александре Федоровне на франц. яз. <1830е гг.> - 1852, марта 4.
7. РО РГБ Ф. 64. Картон 103, ед. х. 10. (Голицыны). Голицын Б.В. Письмо (детское) от кн. Голицыной Софьи Владимировны (в замуж. Строгановой). [1780-е гг.]
8. РО РГБ Ф. 336, Картон 5, ед. х. 27, (Шаховские). Вуич Василий Александрович. Письма к кн. Елизавете Михайловне Шаховской. Приписаны письма С. А. Вуич к кн. Е. М. Шаховской – детские письма на франц. яз. [1848 - 1852].
9. РО РНБ Болотовы А.Т., П.А. и М.П. Ф. 89, ед.х.115. Письма П.А. Болотова к отцу Андею Тимофеевичу Болотову. С приписками детей П. А. Болотова – Алексея Павловича и Александры Павловны Болотовых [1811 и 1812].
10. *Фуражева Н.С.* «Роман в письмах» или жизнь русского дворянина // Историк и художник. №3(9). М., 2006. С. 41-49.
11. *Roger Chartier.* Inscrire et effacer. Culture écrite et littérature. (XIe – XVIIIe siècle). Hautes études. Paris, 2004.

*Екатерина Владимировна Склизкова,
кандидат культурологии, доцент,
кафедра лингвистики и МКК ИСК
«РГУ им. А.Н. Косыгина»*

ВТОРИЧНАЯ МИФОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

SECONDARY MYTHOLOGICAL REALITY IN SEMANTICO-PRAGMATICAL ASPECT

***Abstract:** Myth is some kind of a priori worldview collective paradigm, taken as a model. Some cultural stratum formed as allusions originated on the basic cultural characteristics such as consciousness syncretism, archetype usage create secondary mythological reality. Fantasy is one of the most productive genres. It is difficult to be distinguished among all the rest fictions of this kind. Link between these two notions: myths and fantasy is obvious. Most of fantasies are made on the basis of some or combination of mythologies. Tolkien is not a father but a God father for fantasy. He made this genre popular and was followed by multitudes of writers. But his stories are unique in depth and complexity. These tales are of linguistic nature, very polysemantic, reconstruction of authentic Anglo-Saxon mythological system.*

***Keywords:** Anglo-Saxon, archetype, artificial language, fantasy, Middle Earth, myth, pragmatics, semantics, syncretism.*

В целом, все проявления человеческой деятельности обладают некой культурной преемственностью, что обеспечивает устойчивость культурных типов и вообще существование цивилизационных моделей. Есть также культурные пласты, которые формируются как аллюзии, напрямую восходя к базовым культурным характеристикам, к синкретичности сознания, строятся на использовании архетипичных образов, мифопоэтике и создают вторичную мифологическую реальность, традиционную или основанную на «гносеологических» мифах. Мифология и семиотические компоненты культуры в той или иной степени проявляются повсеместно, являясь формализованным языком искусства, но есть произведения, сами являющиеся вторичной мифологией.

Под мифологическим сознанием понимается особый вид сознания, глубоко психологичного, основанного на вере, в котором рассматриваемый объект, в том числе символ, неотделим от своих функций и свойств. В подобном сознании нет лакун, все объясняется через миф, как совокупность мировоззренческих установок. Такая реальность синкретична, семиотична, фатальна.

Обычно под вторичной мифологией понимается она, созданная в рамках мировых религий, или культурный пласт, использующий базовые мифологические персонажи и мотивы. Вторичная мифология – типичный культурный феномен пост-античного периода. И Средневековье, и Новое время в самых разных сферах используют сюжеты, заложенные в эпоху Античности, иногда в форме прямых аллюзий, иногда в виде моделей. Достаточно упомянуть хотя бы Ницше с «дионисийским» и «аполлоновским» началом культуры.

Миф – некая априорная мировоззренческая коллективная парадигма, взятая как эталон, самоактуализирующаяся и автообъяснительная. Вторичная мифология проявляет себя по чьей-либо индивидуальной воле, как приоритетное мировоззрение для достижения конкретной цели. Она не является замкнутой и самодостаточной системой. Основным отличием первичной и вторичной мифологии является полная бытийность для первой, и конкретная прагматика для второй. Вторичная мифология создается намеренно, подстраивается под конкретную реальность и объясняет отдельные ее проявления. В этом случае ее семантика и прагматика синкретичны.

В данной работе, мы будем рассматривать не религиозную сферу, а общекультурную, и под вторичной мифологией понимать систему мировоззрения, сформированную не просто на основе архетипичных мифологических сюжетов, а представляющую собой новую мифологическую структуру, составленную из отдельных проявлений различных мифологий, переосмысленных и наполненных порой совершенно другой семантикой. В системном смысле она идентична первичной мифологии, а ее вторичность связана с заимствованием элементов.

Фэнтези можно по праву назвать одним из самых перспективных жанров в современной культуре. Он имеет непосредственное отношение к разработке вторичных мифологий. В отличие от других направлений у фэнтези практически неограниченные возможности в реализации идей. Для жанра свойственно заимствовать сюжетные линии, образы и колорит у других направлений. Его считают достаточно новым, хотя он имеет глубокие корни и появился далеко не в этом или даже прошлом веке.

В литературе, в том числе, этот жанр порой плохо отличим от фантастики или сказки, хотя и имеет свои особенности. Также следует отметить, что элементы или приемы фантастики и фэнтези могут использоваться самыми разнообразными направлениями и жанрами. Вообще однозначного определения фантастического произведения не существует. Любое художественное произведение является вымыслом и тем самым приближается к фантастике. Степень необычности и нереальности сложно определить. Тем не менее, под фантастикой обычно понимается то, что не может произойти в реальности.

Научная фантастика предполагает существование мира близкого реальному, и события, которые могли бы произойти на определенном этапе его развития. Здесь невероятные события будут соседствовать с описанием технических устройств и научных теорий. Сюжет предполагает объяснение устройства множества деталей различных уровней, вполне научной природы. В определенном смысле, фантастика касается нашего прошлого, настоящего или будущего, а фэнтези уже параллельного мира.

Фэнтези ничего не объясняет из природы вещей, описывает нереальный мир, бесконечно далекий от реальности, порой попирающий научные законы, пронизанный магией. Жанр отсылает нас к теориям множественности миров. Здесь может произойти все, что душе угодно, т.к. нет никаких границ и правил существования. Основа жанра мифологична, иррациональна, наполнена средневековым колоритом. Для фэнтези характерен авантурный сюжет, часто близкий роману дороги, борьба основополагающих начал добра со злом, причем, добро не обязательно однозначно побеждает. Слова М.М. Бахтина о древнегреческом романе очень подходят и фэнтези: «Авантурный хронотоп так и характеризуется технической абстрактной связью пространства и времени, обратимостью моментов временного ряда и их переместимостью в пространстве» [1, с. 250].

Со сказкой все сложнее. Иногда их разграничивают просто по возрасту читателей, что, конечно, не выдерживает критики. Иногда под фэнтези понимают усложненный вариант сказки. Соотношение здесь примерно как знака и символа. Чем многозначнее и сложнее по структуре сказка, тем ближе она к фэнтези. В дополнение, иногда деление проводят по близости к реальному миру. В сказке нет противоречий реальности и волшебства, они синкретичны как в мифологическом сознании. Волшебство ничем не ограничено и нескончаемо. В фэнтези противоречие присутствует, магия – часть мира, связанная с какими-то его аспектами, и ограниченная некими рамками, соответствующими логике конкретного мира и производства.

Фэнтези описывает полностью вымышленный мир, существующий по своим законам, кардинально отличающимся от нашего. В сказке может описываться и наш мир, однако, с различными магическими проявлениями. Хотя в этом случае сказка сближается с мистикой. В целом, все эти жанры можно отнести к фантастической литературе.

Как бы то ни было, фэнтези базируется на мифологии или сказке, архетипичных образах или на вторичной мифологии. Наиболее типичен как раз последний вариант, когда автор занимается мифотворчеством и создает свой собственный мир, представляющий собой некую помесь различных мифологий средневековых образов. «Он наполнен уже не раритетно-курьезным, а чудесным; каждая вещь в нем — оружие, одежда, источник, мост и т.п. — имеет какие-нибудь чудесные свойства или просто заколдована. Много в этом мире и символика, но не грубо-ребусного характера, а

приближающейся к восточно-сказочной» [1, с.304]. Проблемы современности явно или скрыто переносятся на экзотическую почву, и вопросы личности и коммуникации выдвигаются на передний план.

Расцвет фэнтези соотносится с философией постмодернизма, и во многом, отражает все ее особенности: определенный возврат к мифологическому, символическому мировосприятию, пониманию мира как текста, отказ от системности и всеобъемлющего дискурса, индивидуальность любого аспекта лингвокультуры, склонность к лингвистическим и другим играм, отказ от «вечных ценностей», создание виртуальных реальностей и т.д.

Ввиду малого объема данная работа является лишь беглым описанием самых общих черт и объекта, и предмета исследования.

Хотя многие возводят фэнтези к Толкину и его считают основоположником, происхождение этого жанра можно отнести к XIX в., хотя название тогда еще не сформировалось. А отдельные проявления можно выделить и раньше: в софистическом романе, рыцарском романе, готическом романе, у представителей романтизма, особенно, например, у Гофмана, в символизме, в литературной сказке и т.д.

«Мир греческих романов – абстрактно – чужой мир, притом чужой весь сплошь и до конца, так как нигде в нем не маячит образ того родного мира, откуда пришел и откуда смотрит автор. Поэтому ничто в нем не ограничивает абсолютной власти случая и с такою удивительною быстротою и легкостью протекают и следуют друг за другом все эти похищения, бегства, пленения и освобождения, мнимые смерти и воскресения и другие авантюры» [1, с.251].

Рыцарские романы также формируют порой совершенно отличную от Европы реальность: либо персонажи чужды миру европейского средневековья, либо некоторые его аспекты вообще далеки от реальности. Не случайно романы делились на несколько циклов. Единым оставался средневековый антураж и рыцарский кодекс, включая куртуазию. Персонажи могли заимствоваться из античной литературы или истории, кельтских и германских мифов. Вполне реальные исторические персонажи соседствовали с персонажами вымышленными и вообще нереальными.

Готический роман, одной ногой стоящий на рыцарском романе, использует отдельные его детали, уходя в сторону ужаса, и дает одну из основ темного фэнтези.

Романтизм возрождает рыцарские ценности на новом витке эволюции, обращается к потустороннему миру, близкому стране Фэйри, но с уклоном в призрачное пространство.

У истоков фэнтези во многом стоит Эдвард Джон Мортон Дракс Планкетт, лорд Дансени, который творил больше от скуки и не имел всеобъемлющей системы. Его произведения восходят, в основном, к ирландской мифологии. Справедливости ради стоит отметить, что многие его работы, хоть и являются по всем характеристикам фэнтези, по сути, являют-

ся скорее притчами, хотя одно не противоречит другому. Произведения сложны по своей семантике, синтактике и прагматике, и единственно, что облегчает их восприятие, это тяготение к малым формам. В «Боги Пеганы» [5], «Дочери короля Эльфландии» [6] и др., он создал полноценный «вторичный мир», живущий полностью по своим законам и оказал определенное влияние на Толкина. Также как позже у Толкина, у Дансени отправной точкой стало пристрастие к языковым играм. На основе экзотической для современного мира ономастики строится космогония, к которой затем прикладывается география и этнология. «Боги Пеганы» – цикл, состоящий из ряда мини-произведений притчевого характера. Нельзя сказать, что в цикле присутствует какой-то общий сюжет, скорее это ряд отдельных космогонических мифов. Теологическо-дидактическая составляющая, пожалуй, здесь превалирует.

Филипп Лавкрафт, Роберт Говард становятся следующим этапом уже американского фэнтези. Говард формирует тщательно прописанный мир, составленный из лоскутков различных мифологий. А Толкин, конечно, поднял жанр на очень высокий уровень. Именно ему можно приписать толчок для бурного развития жанра. Мир Средиземья – детально проработанная система, вполне жизнеспособная, хотя далеко не все аспекты жизни прописаны в полной мере.

В последнее время фэнтези разделилось на ряд поджанров: городское, романтическое, юмористическое, детективное и т.д. В целом, в этом делении воплотились как раз неограниченные возможности жанра. Русское фэнтези также активно развивается в разных направлениях, причем интенсивно разрабатывается славянский колорит и альтернативное Толкину направление, представленное либо использованием мира Средиземья как основы или «темным фэнтези», т.е. взглядом на происходящее со стороны темных сил, выступивших у Толкина излишне абстрактно. Также у отечественных последователей английского профессора фигурирует девиз невозможный для зарубежного автора или читателя: «профессор был не прав, все было по-другому», что дает еще одно направление развития жанра.

Фэнтези выполняет в современном мире примерно ту же функцию, что и рыцарский роман в эпоху Средневековья. Прежде всего, это средство бегства от реальности, развлечение. С другой стороны, это определенный вид описания реальности (взаимоотношений, событий, представленных в иносказательной форме, взглядов на мир). Фэнтези, как и роман, наполнено аллюзиями древних верований, и во многом строится на их основе. Качественное фэнтези способно выполнять дидактические задачи, как это делал хороший рыцарский роман.

Произведения Толкина, хоть явились основным фактором влияния на развитие жанра, стоят особняком. Его произведение – лоскутное одеяло, составленное из реальных исторических событий, описанных в хрониках, древних верований, древних поэм, но идеально подогнанных друг к другу.

Так же как порой в детских считалочках или стихах реконструируются древние мифы, под определенной сюжетной линией скрывается сложная семантика. Нельзя сказать, что идеи, представленные у него, являются очень оригинальными. Вообще вся мировая культура строится на обыгрывании нескольких идей и небольшого набора сюжетов. Отличие произведений проявляется, в основном, в комбинациях, структуре, выборе жанра и типа текста, языковых возможностях автора. Если автору удалось создать видимо простое произведение, которое можно разложить на различные пласты, и в котором каждый читатель видит что-то свое, произведение находится на вершине творчества. Кто-то рассматривает «Властелина» как жест (боевик), сагу, философское или лирическое произведение, языковую загадку, реальную историческую хронику, сказку, искусно созданную аллюзию на европейские мифологии и т.д. Произведения Толкина являются, скорее, научно-философскими реконструкциями, что уже само по себе оксюморон, завернутыми в обертку волшебной сказки или фэнтези. Все его последователи гнались за сюжетом, и никто не достигал уровня профессора. Произведения Толкина расслаиваются на множество уровней. Их сюжеты – фактически только последний пласт, далеко не самый важный. Более того, сюжет строится подобно исследованию, в начале пути автор как бы сам не догадывается, к чему он приведет, хотя ему и известен замысел в глобальном смысле.

Один из пластов – философский, через который автор доносил свое миропонимание. Философский пласт тоже расслаивается на несколько уровней, демонстрируя довольно сложную ценностную картину мира. Взаимоотношение современности и архаики во всех их аспектах – один из основных его мотивов. Идеалом толкиновского мира был патриархальный мир английской деревни, т.е. фактически основными глашатаями его были хоббиты. Хотя это не является истиной в полной мере. Хоббиты были нужны в качестве посредников между обывателем и автором с очень сложной семиосферой в голове. «Властелин» очень близок по атмосфере к древним сагам и поэмам англосаксов, скандинавов, готов. А хоббиты вносят бесшабашно простоватую ноту, не лишенную возможного героизма маленького человека. Их мир – замкнутый лингвистический мир местечкового Херфордшира, но где еще угадываются более древние слои. Мужество, у Толкина, тяготеющего к стилистике древних саг, все-таки имеет более реалистичный характер, проявляющийся через преодоление себя и своих страхов, в отличие от героев «без страха и упрека». Хотя наиболее явно отношение автора к творчеству, искусству, прекрасному проявляется через эльфов: являющихся или отражением вымысла, или существующих на самом деле, вне зависимости от нашего представления о них, но в любом случае, являющихся сами творцами и формирующих вокруг себя собственную реальность, зачаровывающих. Что и является сутью фэнтези как жанра. Вообще эльфы германских мифологий – очень неоднозначные пер-

сонажи, они не злые и не добрые, а, может, и те, и другие. Этот же аспект проявляется и у Толкина. Они заманивают в свои холмы, или свои леса, время в их владениях течет по-другому. Однако и эльфы подвержены течению времени. Галадриэль говорит об умалении эльфов после гибели кольца: то ли эльфы сами забывают и забываются, то ли вообще вырождаются в маленьких «Паков» [4], то ли становятся частью пейзажей, переходя в раздел невнятных легенд. То же происходит и с древними языками и культурами, их особенностями.

Атмосферность еще один важный подуровень произведения, являющийся, возможно, основной причиной их популярности. Мотивы рока, всепоглощающей силы любви, губительного влияния власти, христианские мотивы также формируют синтез порой дискретных понятий. С одной стороны, его произведения наполнены роком и безысходностью, с другой, они дают некоторую надежду, смешанную со светлой грустью. Это достигается не сюжетной линией, а особенностью авторского стиля. Рок представлен в нескольких плоскостях. Это и некий замысел Творца, воплощенный в музыке, и некая заданность ситуации, и судьба конкретного персонажа, которую он выбирает сам. Противостояние рока и проблемы свободы выбора характерно для «светлой стороны», для «темной» – проблемы выбора нет. Постоянные намеки на какую-то более древнюю реальность характерны для Толкина, они создают необходимую глубину «Властелину», подразумевают долгую историю Средиземья. С другой стороны, например, как и во многих произведениях, поднята проблема маленького человека, и что он может переломить ход истории. Идея неизбежно изменяющегося мира, потеря старых ценностей воплощена в самой Войне кольца, которая призвана сохранить свободу народам Средиземья, но она же несет полное изменение всех уровней жизни. Уходят эльфы вместе с природной магией мира. Старые традиции и знания забываются, также как «умалются» эльфы.

Его мир – детально проработанная семиотическая система, но не в коем случае не аллегория, Толкин не терпел аллегорий. У Толкина активно проявляются базовые архетипы: свет, тьма, вода, гора, земля, лес, звезды, кольцо, дорога, маг, король и т.д. причем, часто они выступают в некоторых закрепленных группах: зло-тьма и кольцо, зло и гора, зло и лес (хотя, чаще здесь зло привнесённое, а не «врожденное»), дорога и жизнь, дорога и выбор, дорога и добро. Они выступают, во многом, в персонифицированном виде, по крайней мере, в качестве активного участника событий. Все они строятся на древних мифологемах, порой интерпретированных по-новому или несколько неожиданным образом. Многие вполне очевидны, типа воды и очищения, леса и жизни, дороги и жизни. Многие приобретают смысл только в результате достаточно сложных противопоставлений. Например, зло у Толкина почти всесильно и не имеет ограничений, порождает бесконечно само себя и обращается кольцом. Добро ограничено в средствах, перед ним все время стоит проблема выбора, даже его победы

не абсолютны, а ограничены временем, да и семантикой. Фродо победил, но не сам, а с помощью, в том числе, Голлума, отрицательного персонажа, которого оставил в живых из жалости, однако сам вышел из финальной «битвы» без надежды на будущее и воли к жизни. Добро, как и жизнь, имеет вид дороги, разветвляющейся и приходящей к логическому завершению.

*«Roads go ever ever on,
Over rock and under tree,
By caves where never sun has shone,
By streams that never find the sea...»* [9, P.300]

Данное стихотворение представлено несколькими вариантами в начале и конце «Властелина»:

*«The Road goes ever on and on
Down from the door where it began.
Now far ahead the Road has gone,
And I must follow, if I can»...* [8, P.102]

*«The Road goes ever on and on
Out from the door where it began.
Now far ahead the Road has gone,
Let others follow it who can!»* [10, P.297]

В целом литература, как аспект культуры, происходит от мифа. Неясные мироощущения постепенно выстраиваются в более стройную систему, обрастают устным народным творчеством, затем записываются. Толкин сетовал на отсутствие четкой англосаксонской мифологической и эпической традиции и пытался восполнить эту лакуну. Он занимался созданием английской мифологии, прекрасно осознавая, что английская культура – понятие крайне собирательное. Он брал за основу древнейшие англосаксонские источники, часто тесно переплетенные или находящиеся под влиянием скандинавов. В итоге, по иронии, он создал-реконструировал английскую мифологическую систему в текстах, которые англичане не признают за англосаксонские. Фактически все персонажи: драконы, гномы, эльфы, орки и пр. существуют в мифологии древней Европы, их исконная или одна из существующих трактовок полностью совпадает с толкиновской. Средиземье буквально вырастает из древних произведений «Беовульфа», «Руин», «Странника», «Битвы при Мэлдоне» и др., «Перлы», «Сэра Гавэйна», «Сэра Орфео», «Путешествия Мандевиля», «Человека с луны» и др., «Эдд», «Песни о Нибелунгах», «Калевалы» и др. [7], где находятся прототипы толкиновских персонажей, переосмысленных, но, тем не менее, уже существующих в культурном пространстве. Рохиримы восходят к лингвокультурному типу скорее даже не к англо-саксонскому, а к готскому, причем, больше к поэтическому, чем к реальному. Эльфы, гномы, драконы и прочие магические существа – продукт древнего общегер-

манского прошлого, зафиксированы в древних сказаниях, даже их имена у Толкина заимствования. Хоббиты – продукт авторской реконструкции, якобы происходящий из древнеанглийского *hol-bytla* – «в норе живущий». Такое слово не зафиксировано в реальном языке, но вполне могло бы существовать.

Сами произведения Толкина выстраиваются по образцу эпоса как бы на стыке фольклора и литературы. Помимо древних литературных источников на Толкина определенное влияние оказали и почти-что современники: Дж. Макдональд, У. Моррис, Р. Киплинг, уже упомянутый Дансени. Даже авторы, которые были крайне несимпатичны профессору, проявляются в виде аллюзий в его произведениях.

Но главное, что должно быть особенно близко лингвисту, его мир строится на основе искусственных языков, для их поддержки и формирования социокультурной базы для них. Для Толкина вначале было слово, затем формируются законы его языков, а потом формируется мир, в котором эти языки могли существовать. Толкин был лингвистом по сути. Языки Толкина строятся на основе реально существующих слов в разных древних языках, приобретающих новую семантику, синтактику и прагматику. Взятое произвольно слово, подсмотренное в древнем тексте или топонимике, исследуется с точки зрения его этимологии, реконструируется его праформа и прасемантика, и слово обретает новую жизнь в виде персонажа или места, органически связанного с этой праформой. Например, Гэндальф, заимствованный из «Прорицания Вельвы», должен был быть гномом. Однако вторая часть имени, - *alf* делала отсылку, скорее к эльфам. Первая же часть *gand* (*gandr*) имеет вероятную этимологию и семантику в рамках исландского языка, - нечто волшебное, заколдованное. Т.е. *gandalf* – волшебник, а по версии Толкина *gand* – волшебный посох. Гэндальф – конечно, не эльф, но имеет непосредственное к ним отношение, т.к. прибыл из «страны эльфов» (точнее, Валаров). Толкин свято верил в органическую связь знака и означаемого, слова и его значения.

Весь ономастикон его произведений не оригинален. Даже основной топоним произведений *Middle-earth* является частью скандинавской мифологии, да и встречается в Британии, – *Midlands*. Имена заимствованы из готских, скандинавских, англо-саксонских текстов, топонимики Англии (например, *Wetwang* (Низкодолье) это топоним Йоркшира). Очень часто реальные исторические взаимоотношения лексических единиц в готском и древнеанглийском (англо-саксонском) отражались в намеке автора на современное лингвокультурное пространство его персонажей и более древнее.

Его мир и его произведения развивается от языкового аспекта, через глубинное понимание мифа и мифологий древних народов к собственному мифотворчеству и мифопоэтике. Отдельные части текста, также как и имена собственные, абсолютно чужды читателю. Это тексты на вымышленных

языках. Часто они даются даже без перевода. Они, конечно, добавляют антуража, однако не дают какой-либо информации. Хотя, это тоже не совсем так. Порой, перевод все же дан, но в другой части произведения, порой даже что-то объясняет. Искусственные языки, как и мифология, как и география создают необходимую историческую глубину.

Предполагается, что Средиземье – прошлое Земли, хотя напрямую это не указывается. Космогония у Толкина также не в полной мере оригинальна. Создание мира через музыку имеет некие параллели с теорией «гармонией сфер», появляющейся уже в Античности в пифагорейской и платонической школах. Конечно, заметны параллели Создателя и Люцифера с Эру и Морготом, греческого и скандинавского пантеонов с Валарами и Майя, Атлантидой и Нуменором, Гэндальфом – Арагорном и Мерлином – Артуром и пр.

Существует множество версий трактовки «Властелина». Самого Толкина девяносто процентов из них раздражало. В войне Кольца видели Великую Отечественную Мировую войну, в орках жителей Азии, само кольцо отсылало читателя к «Кольцам Нибелунгов» и т.д. Вообще Толкина очень не любили критики, обвиняли его в поверхностном отношении к своим героям, отдельным событиям, и только очень немногие исследователи обращали внимание на глубинную семантику используемой Толкиным лексики, в которой, порой, и заключена недостающая информация. Можно сказать, что основными приверженцами автора являются либо профессионалы в области лингвистики, литературы, особенно древней, и мифологии, либо читатели с особой восприимчивостью, интуитивно чувствующие, что за сюжетной линией кроется что-то еще. Для русскоязычного читателя это особенно актуально. К сожалению, перевод, даже очень качественный, не в состоянии передать все лингвистические игры автора. Многие слова, имеющие достаточно прозрачную этимологию и семантику в английском и использующиеся с конкретной целью, в русском языке совершенно другой природы. Поэтому лозунг половины русскоязычного читателя «профессор был неправ» больше отражает интуитивное подозрение к переводу, а не оригинальному тексту. Действительно, с первого взгляда сюжет не отличается сложностью и необычностью, персонажи часто выглядят плоско, особенно положительные, а иногда вообще выпадают из сюжета, стиль не выдержан, множество ремарок, в том числе на эльфийских языках, которые ничего не объясняют и повествуют, непонятно о чем. Стилистика текста действительно порой почти неуловимо меняется. Разным персонажам соответствуют разные с точки зрения лексики и грамматики языковые средства. Эта разница и формирует законченный образ и создает основное отличие, скажем, хоббитов от эльфов.

Все элементы произведения выстроены в соответствии с подходом Станиславского. Нет ничего случайного, даже персонажи или события, которые как бы не играют никакой роли или больше не появляющиеся, типа

Тома Бомбадила. Многие случайности и неточности, пропуски и недомолвки создают необходимое многомерное пространство. Многие варианты одного и того же стихотворения, упоминаемой легенды, или события делает текст более реалистичным, реконструируя ситуацию со многими списками древних текстов.

Вторичная мифологическая реальность формируется у Толкина из детально проработанной карты мира, языковой реальности, собственной теории происхождения и развития мира, своеобразной онтологии. Как уже говорилось, нельзя говорить о полной оригинальности этого мира с точки зрения его элементов (они на 90 с лишним процентов заимствованные), а только с точки зрения системы. Хотя основная масса его произведений органически связана между собой, «Хоббиту» еще очень далеко до «Властелина» или тем более, до «Сильмариллиона» [11] по сложности. Он является частью общей картины, но не отражает и половины тех особенностей, которые присущи миру Средиземья. Толкин шел от слов. Брал слово почти произвольно, затем исследовал его этимологию и семантику и придавал выбранному объекту черты этого слова. То есть, как и у Дансени, появлялась полуоригинальная ономастика, формировавшая отдельные истории отдельных феноменов, которые отражались в географии, создавали космогоническую систему.

Таким образом, формирование вторичной мифологической реальности может иметь самые разнообразные цели, доносить самую различную информацию. Ее семантика и прагматика будут всецело зависеть от автора с одной стороны и читателя-интерпретатора с другой. Семантика может распадаться, давая возможность существования и разных прагматических уровней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975.
2. *Толкин Дж.Р.Р.* Приключения Тома Бомбадила и другие истории. СПб.: Академический проект, 1994.
3. *Толкин Дж.Р.Р.* Профессор и чудовища. СПб.: Азбука-классика, 2004.
4. *Шекспир У.* Комедии. М.: Правда, 1987. С. 237-437.
5. *Lord Dunsany.* The Gods of Pegana. Washington: Pegana press, 1911.
6. *Lord Dunsany.* The King of Elfland's Daughter. L., N.Y.: G. P. Putnam's Sons, 1924.
7. *Shippey T.* The road to Middle Earth. L.: Allen&Unwin, 1982.
8. *Tolkien J.R.R.* The fellowship of the ring. N.Y.: Ballantine books, 1982.
9. *Tolkien J.R.R.* The Hobbit. N.Y.: Ballantine books, 1982.
10. *Tolkien J.R.R.* The return of the King. N.Y.: Ballantine books, 1982.
11. *Tolkien J.R.R.* The Silmarillion. L.: Grafton, 1992.

*Алина Андреевна Пивцаева,
студентка второго курса очного отделения,
научный руководитель: к.н., доц. Дворниченко Е.В.*

ГОБЕЛЕН ИЗ БАЙЕ КАК ИСТОЧНИК ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

THE BAYEUX TAPESTRY AS A SOURCE OF LINGUISTIC- CULTURAL INFORMATION

***Abstract:** The article considers the Bayeux Tapestry as an important source for studies on history and culture. The Tapestry contains many scenes of the Norman's invasion in England in 11th century, it describes not only the famous Battle of Hastings, but the people's life and traditions of that time period though there are some mysterious details waiting for deciphering.*

***Keywords:** Battle of Hastings, England, France, Harold, history, hypothesis, museum, The Bayeux Tapestry, William the Conqueror.*

Средние века в истории любой европейской страны – увлекательный, полный тайн и трагический период, и рассказывают о нем различные исторические источники, которые можно разделить на письменные (хроники, трактаты) и иные (памятники археологии и искусства: архитектура, скульптура, живопись). К последним относятся и памятники декоративно-прикладного искусства (ДПИ): оружие - мечи, щиты, предметы обихода – сундуки, лари, предметы для хранения реликвий – реликварии, оправы для святых мощей и т.п. Одним из таких источников являются гобелены. Гобелен из Байе – это настоящее сокровище Средневековья, которому уже 1000 лет. Он был вышит средневековыми мастерами примерно в 1070 г. (хотя историки до сих пор спорят о точной дате), чудом выжил во время разграбления собора в период религиозных войн XVI в., а также во время революционных реквизиций 1792 г., когда местный адвокат выкрал его из груды средневековых полотнищ, отданных для покрытия солдатских повозок. Во время франко-прусской войны 1870-71 гг. гобелен прятали, а во время Второй мировой войны германские оккупационные власти отдали приказ о специальном хранении гобелена в Лувре, в 1944 г. гобелен собирались вывезти в Германию. На гобелене изображены 50 сцен, посвященные завоеванию Англии в 1066 году Вильгельмом Завоевателем.

Гобелен – это вытканная вручную ковер-картина, поэтому, строго говоря, памятник ДПИ из Байе не является гобеленом, но исторически за ним закрепилось это название. Для хранения гобелена был построен собор Богоматери в Байе (провинция Кальвадос, Северная Франция), но в настоящее время он хранится в Музее ткацкого ремесла, так как условия со-

бора не подходят для хранения вышивки. Длина этого полотна составляет почти 70 м, а высота всего лишь 50 см.

Это бесценный источник для историков, так как гобелен создавался людьми, жившими в ту эпоху, возможно, бывшими очевидцами или слышавшими рассказы истинных очевидцев. Однако существуют некоторые несовпадения с письменными источниками, что дает стимул к более подробному изучению памятников XI в. Гобелен из Байе – это вышитая книга. Глядя на него, можно увидеть не только одно из важнейших событий в истории, но и быт и жизнь людей тех времен, их пищу, оружия, одежду, то есть многие аспекты средневековой жизни людей.

Путешествие в Нормандию.

Сцена 1. Начинается все с 1064 года. На троне в Королевском дворце Вестминстера восседает король Англии Эдуард Исповедник. Он разговаривает со своим зятем Гарольдом, графом Уэссексом. Затем Гарольд (на сером коне с ястребом на руке) вместе со своей свитой и собаками уезжает в Босхем в Сассекс [5, Journey To Normandy, Scene 1].

Сцена 2. Гарольд со свитой входят в церковь в Босхаме для того, чтобы помолиться о безопасном плавании. Перед путешествием они пируют и затем отправляются в плавание (Гарольд с ястребом на руке) [5, Journey To Normandy, Scene 2].

Сцена 3. Корабль Гарольда находится в плавании и вскоре прибывает на землю герцога Ги де Понтье. Понтье (сидит на коне) следил за кораблем, и когда Гарольд вступил на землю, люди Ги де Понтье схватили его [5, Journey To Normandy, Scene 3].

Плененный.

Сцена 1. К плененному Гарольду (с ястребом на руке) относятся с уважением. Справа на троне сидит Ги де Понтье и беседует с Гарольдом [5, The Prisoner, Scene 1].

Сцена 2. В этой сцене три события показаны в обратном порядке. Справа изображены два посланника от Вильгельма Нормандского к Ги де Понтье с требованием отпустить Гарольда. Здесь так же изображен Турольд (маленький человек около двух коней или один из 2 посланников). Он является племянником Одо из Байе [5, The Prisoner, Scene 2].

Сцена 3. Вильгельм узнает, что Гарольд попал в плен (эта сцена должна была быть первой). Ги де Понтье на голубом коне приезжает на встречу к Вильгельму и указывает на Гарольда, который ехал за ним (оба имеют ястреба) [5, The Prisoner, Scene 3].

Таинственная леди.

Сцена 1. Появляются два персонажа: дама Элфгива и духовное лицо [5, The Mysterious Lady, Scene 1]. Эта женщина является одной из главных загадок гобелена. На гобелене изображены 623 мужчин и только 3 женщины. Кто она? Почему именно ее изобразили авторы? Существует версия, что

Элфгива была замешана в любовном романе, который был хорошо известен в XI в., но о котором сейчас мы не имеем никаких данных [5].

Братья по оружию.

Сцена 1. Гарольд едет вместе с Вильгельмом и его солдатами к герцогу Конану из Бретани. Они проходят через реку, держа щиты над головой, и зыбучие пески, где Гарольд помогает солдатам не погибнуть и спасает сразу двух [5, Brothers in Arms, Scene 1].

Сцена 2. Армия атакует Дол, и Конан сбегает из замка по веревке. Норманнские солдаты достигают Ренн, столицу Бретани [5, Brothers in Arms, Scene 2].

Сцена 3. Норманнские солдаты догоняют Конана в Динане, и во время сражений Конан сдается. Вильгельм награждает Гарольда оружием и посвящает в рыцари. Это очень важное событие для норманнов, так как означает, что Гарольд признает Вильгельма как своего сюзерена [5, Brothers in Arms, Scene 3].

Клятва.

Сцена 1. Гарольд и Вильгельм возвращаются в Нормандию. Гарольд клянется в верности Вильгельму, положив руки на две реликвии. Текст клятвы неизвестен, но другие исторические источники подтверждают, что она действительно была. Гарольд становится свободным и возвращается в Англию [5, The Oath, Scene 3].

Возвращение.

Сцена 1. Гарольд разговаривает с Эдуардом Исповедником. Король выглядит очень больным, хотя по другим источникам он был совершенно здоров [5, The Return, Scene 1].

Смерть Короля.

Эдуард умер в 1066 году. Нам кажется, что хронологический порядок действий нарушен. Но на самом деле, гобелен выполнен в соответствии с принципами средневековой иконографии: в одном изображении (книжной миниатюре, скульптурном рельефе, фреске и т.д.) сразу представляются разные этапы истории, или даже разные сюжеты. В центре композиции Эдуард лежит в своей постели и разговаривает с Гарольдом и супругой Эдит. Затем показана сцена похорон. В правой части Гарольду дают корону и топор – символы власти, и он их принимает [5, The King is Dead..., Scene 1].

Новый Король.

Сцена 1. Гарольд сидит на троне с приближенными. Люди ликут. Но на следующей сцене мы видим комету Галлея. Это плохой знак для короля, и все люди в ужасе. Справа внизу виден флот – это указание на норманнское вторжение [5,...Long Live The King, Scene 1].

План вторжения.

Сцена 1. Вильгельм узнает, что Гарольд становится королем Англии. Он в ярости, так как Гарольд нарушил вассальную клятву. Решив наказать клят-

вопреступника, он решает напасть на Англию и собирает флот [5, Planning The Invasion, Scene 1].

Сцена 2. Показаны сцены подготовки к вторжению. Люди строят флот, приносят еду и оружие на корабли [5, Planning The Invasion, Scene 2,3].

Переправа.

Сцена 1. Изображены корабли норманнов, украшенные драконьими головами, яркие и разноцветные паруса и щиты. На кораблях много солдат и лошадей [5, The Crossing, Scene 1,2].

Высадка на берег.

Сцена 1. Норманны высадились на южном побережье Англии и забирают еду у земледельцев [5, Beachhead, Scene 1].

Сцена 2. Солдаты устраивают пир [5, Beachhead, Scene 2].

Сцена 3. Гарольд собирается напасть на Вильгельма. Вильгельм приказывает сжечь дома и очистить место для битвы. Это соответствует правилам ведения войны того периода: победитель выявлялся в решающей битве на открытом пространстве [5, Beachhead, Scene 3].

Вильгельм собирается на войну.

Сцена 1. 14 октября 1066 Вильгельм в полном снаряжении собирается в путь [5, William Rides to War, Scene 1,2].

Сцена 2. Слева показана английская армия. Гарольд узнает о приближении норманнов. Справа Вильгельм воодушевляет речью своих солдат [5, William Rides to War, Scene 3].

Битва при Гастингсе.

Сцена 1. Норманны атакуют английскую армию и начинается битва [5, The Battle of Hastings, Scene 1].

Сцена 2. Изображение множества стрел. Внизу расположены изображения мертвых солдат. В середине сцены английская армия защищается от норманнов, окруживших их со всех сторон [5, The Battle of Hastings, Scene 2].

Сцена 3. Норманны убивают Гарольда. Возможно, его пытались убить дважды: стрелой в глаз, а потом норманнский солдат добил его мечом [5, The Battle of Hastings, Scene 6].

Сцена 4. Король погиб, и норманны побеждают. Они продолжают преследовать английских воинов [5, The Battle of Hastings, Scene 7].

Фрагменты гобелена с последними сценами были утрачены. Возможно, на них была изображена коронация Вильгельма Завоевателя.

Гобелен Байе изучают уже несколько столетий, но все еще существуют непонятные детали. Например, что означают узоры, которые есть внизу и наверху гобелена: связаны ли они с действиями, которые изображены между ними или это просто орнамент.

На полотне можно увидеть много надписей на латинском языке, которые помогают понять, что за событие изображено, а также имена персонажей. Это характеристика типичного креолизованного текста: изображе-

ние не просто представляет сцены, но и должно быть прочитано, отталкиваясь от надписей.

Также интересна цель создания гобелена Байе. Когда люди впервые увидели полотно, они подумали, что изображения прославляют битву при Гастингсе. Но сцены гобелена неприемлемы для храма, где он хранился. И те события, что можно видеть на ткани, начинаются около 1064 года, а знаменитая битва была в 1066 [3, с.196]. Тогда появилась другая гипотеза, что цель гобелена – показать наказание, которое налагается за клятвопреступление. Именно поэтому мы видим события, которые произошли между Гарольдом и Вильгельмом, вероятно, приношение клятвы святым реликвиям, когда Гарольд объявляет, что Вильгельм является его наследником. Гобелен выполнен, вероятно всего, по заказу брата Вильгельма, епископа Одо, мастерами Матильды, жены Вильгельма, и считается, что эта знатная дама сама приложила руку к вышиванию. Возможно, вышивкой занимались и англосаксонские мастера [2, с. 201-227].

Таким образом, гобелен из Байе представляет огромную ценность для современных ученых, так как это едва ли не единственное вышитое полотно, которое удалось сохранить. Подробное описание всех действий на гобелене помогает понять, какое представление о причинах вторжения Вильгельма на Англию имели люди в XI в., хотя гобелен, конечно, представляет нормандскую версию событий. Но существует мнение, что вышивальщицы добавили много шуток в описание событий, что мешает выявить верную информацию. Эти факты еще больше усложняют чтение полотна. Тем не менее, историкам удалось получить много новой информации из изображенных событий, но гобелен из Байе все еще хранит в себе много тайн, которые нам предстоит разгадать в будущем. Гобелен из Байе имеет полную копию, хранящуюся в музее г. Рединга, выполненную на мануфактуре Томаса Уордла при участии прерафаэлиты У.Морриса в 1886 г.[5].

Гобелен вдохновлял и карикатуры, и юмористические рисунки. Например, Ри Ирвин в этом стиле оформил обложку еженедельника *The New Yorker* от 15 июля 1944 г., где была опубликована статья о высадке союзников в Нормандии (операция Оверлорд) [6]. Известна также обложка знаменитой книги А.А.Милна, выполненная художником Э.Х.Шепардом [7]. И это свидетельствует, что изобразительная и содержательная составляющие гобелена по-прежнему являются источником вдохновения и делают его культурно-значимым объектом мирового масштаба.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зюмтор Поль*. Вильгельм Завоеватель. М.: Молодая гвардия, 2010.
2. *Wilson D.M.* The Bayeux Tapestry. London: Thames and Hudson, 1985.
3. Байе. Гобелен: [Электронный ресурс]. 13.04.2014.
URL: <http://kraeved1147.ru/bayeux-tapestry>. (Дата обращения: 28.10.2017)

4. Aelfgyva: The Mysterious Lady of the Bayeux Tapestry: [Электронный ресурс]. 24.08.2014. URL: <http://www.medievalists.net/2014/08/aelfgyva-mysterious-lady-bayeux-tapestry>. (Дата обращения: 11.11.2017)
5. Britain's Bayeux tapestry at Reading museum: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bayeuxtapestry.org.uk/BayeuxContents.htm> (Дата обращения: 28.10.2017)
6. <http://huckcdn.lwlies.com/admin/wp-content/uploads/2015/02/Truman-Capote-2.jpg> Обложка журнала TheNewYorker от 15 июля 1944 г. (Дата обращения: 29.10.2017)
7. Иллюстрация Э.Шепарда
http://68.media.tumblr.com/05f7a65cfcfa63eaed8e1751464272c2/tumblr_mjolxqE3OS1rjbofgo1_1280.jpg (дата обращения: 02.11.2017)

*Алла Кирилловна Коненкова,
кандидат культурологии, доцент,
зав. каф. общего и славянского искусствознания ИСК
«РГУ им. А.Н. Косыгина»*

ЦВЕТОЧНЫЙ ОРНАМЕНТ В КОСТЮМЕ СЛАВЯН КАК ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ ЯЗЫК МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

FLORAL ORNAMENT IN SLAVIC COSTUME AS THE FIGURATIVE LANGUAGE OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

***Abstract:** The article covers semantics of floral ornament in the traditional culture of slavic peoples: the Kashubs, Serbs, Bulgarians, Ukrainians, deep sense and significance of floral images.*

***Keywords:** geometrical, floral motif, ornament, ornament semantics, traditional embroidery.*

Орнамент известен в изобразительном искусстве с древнейших времен. По мнению исследователей, на этом раннем этапе орнамент состоял из геометрических элементов, среди которых Л.М. Буткевич выделяет «три универсальных базовых мотива, на которых держится вся материальная культура: круг, крест и квадрат» [1, с.20]. Состоящий из этих элементов орнамент имел сакрально-мистический смысл. Постепенное привнесение в систему орнамента растительных образов, по мнению исследователей, сопровождалось «вытеснением магическо-семантического содержания и актуализацией образных, декоративных начал орнаментальных мотивов» [2, с.11]. Но орнамент в любом своем виде всегда содержит свои основные характеристики. Это стилевые признаки, этнические признаки традиционной

культуры и признаки семиотической системы, т.е. системы знаков, используемых в процессе общения [2, с.4].

Исследуя славянские и русские орнаменты, В.В. Стасов отмечал: «У народов древнего мира орнамент никогда не содержал в себе ни одной лишней линии, каждая черточка имела тут свое определенное значение... Это — сложный язык, последовательная мелодия, которая имеет свою основную причину и предназначена не только для глаз, но также для разума и чувств» [4].

Рассуждая о смысле цветочного орнамента, художница из Сербии Светлана Ранджелович дает ему общую характеристику и отмечает, что «желание разукрасить все цветами — знак сопричастности природе, знак того, что вся красота — оттуда, из изобильного источника». Использование цветов в орнаменте в целом показывает тесную связь славянской культуры с природой, напоминает о вечности, о том, «что каждый год все расцветает заново» [6].

Растительные мотивы являются одними из основных мотивов орнамента в культуре славянских народов. Особенно распространены изображения цветов, которые могут быть не только символической характеристикой жизненных целей и желаний, но могут быть эпическим символом страны, раскрывать историю ее народа.

Несколько экспонатов из коллекции Учебного музея славянских культур Института славянской культуры РГУ им. А.Н. Косыгина дают представление о семантике цветочных орнаментов в народной культуре славян. Своеобразный цветочный орнамент украшает женский кашубский костюм. В музее находится деталь женского костюма – передник, а также салфетка, приобретенные в Гданьске во время поездки по Польше, проходившей в рамках Международной миротворческой миссии «Юность славянского мира», организованной Государственной академией славянской культуры в 2008 г.

Кашубы – славяне балтийского Поморья, проживающие на севере Польши (Поморское воеводство), на территории, называемой Кашубия. Традиционные кашубские костюмы вышли из употребления в конце XIX в., не сохранились и были реконструированы профессором торуньского этнографического центра Боженной Стелмаковской. В основу реконструкции положены наиболее сохранившиеся костюмы зажиточных крестьян – гбуров [7].

По свидетельству историков и этнографов, кашубы всегда отличались сильно развитым чувством национального самосознания. В непростых условиях проживания между польскими и немецкими землями, под постоянной угрозой онемечивания, они сохранили свою идентичность, свою культуру и свой язык.

Своеобразный цветочный орнамент, украшающий салфетку и передник, состоит из символизирующих реки и море крупных сине-голубых

цветов на зеленых стеблях с листьями. Это означает землю, где проживают кашубы. Между ними рассыпаны мелкими ярко-красными пятнами круглые стилизованные ягоды, символизирующие капли крови, пролитые в сражениях за освобождение своей земли.

Эти растительные формы – не изображения реальных цветов. Они стилизованы и являются своеобразным «цветочным рассказом» об истории и судьбе народа [5].

Традиционная кашубская вышивка была тесно связана с женским монастырем норбертинок, основанным еще в XIII в. в городке Жуково. В этом монастыре находилась школа рукоделия для девочек, где их обучали традиционной вышивке. Монастырь был закрыт прусскими властями в 1834 г., но монастырский комплекс сохранился, и сейчас в нем находится одно из лучших музейных собраний предметов традиционной кашубской культуры [8].

Символическим напоминанием о трагической для сербов Косовской битве являются орнаменты, украшающие шумадийский женский костюм. Женский и мужской народные костюмные комплексы из Шумадии, исторической области центральной Сербии, были переданы в дар музею славянских культур в мае 2011 года Председателем общества Сербско-Русской Дружбы и русской диаспоры «Ресурс» г. Нови Сад госпожой Радойкой Ковач.

Косовская битва состоялась 15 июня 1389 года между объединенным войском сербских князей в союзе с Боснийским королевством с одной стороны и армией турок-осман с другой. В битве обе стороны понесли серьезные потери, но сербы не смогли восстановить силы и вскоре были завоеваны турками.

Герои битвы – князь Лазарь, юнак Милош Обилич, убивший султана в его ставке и растерзанный на месте своего подвига, приобрели всенародную славу. Лазарь, казненный турками, вскоре был причислен к лику святых как князь-мученик [3]. Его мощи находятся в монастыре в Раванице. Милош Обилич почитается как местночтимый святой.

Сложившаяся на этой основе патриотическая традиция выразилась не только в Косовском цикле сербского эпоса, но и в традиционных орнаментах Центральной Сербии. Основой композиции орнаментов, расположенных на горловине и рукавах рубахи женского костюма и на фартуке (прегаче), являются цветки красного пиона, в изобилии произрастающие на Косовом поле. Косовские пионы стали также символом трагических событий в Косово уже в наше время. В память о них ведущая актриса Национального театра Белграда и певица Ивана Жигон создала и уже 10 лет руководит сербской молодежной группой «Косовские божури». Божури (в переводе с сербского – пионы) – прекрасные цветы, растущие на Косовском поле, где на рубеже XX-XXI вв. погибло более 70 тысяч мирных жителей – сербов [9].

Цветочные орнаменты являются основными в украинских традиционных вышивках. Их символический смысл подробно разработан в украинской традиционной культуре.

Особенное значение имеет изображение розы, древнего, еще языческого символа богини Лады. Орнамент из повторяющихся крупных цветков красной розы вышит на пышных рукавах женской рубахи, переданной в дар музею славянских культур Президентом Славянского фонда России Галиной Васильевной Боголюбовой в 2007 г.

Красные розы символизировали девичью красоту и чистоту, а их многократное повторение в орнаменте – бесконечное движение солнца и вечное возрождение [10]. Такие орнаменты, состоящие из цветков красной розы, как правило, вышивали на свадебных женских костюмах.

Для болгар роза является не только любимым цветком, украшая в орнаментах практически каждый женский костюм. Цветок розы – это один из символов страны, с этим цветком связано много традиционных обрядов. В Болгарии даже учрежден орден розы [11].

В 2010 г. преподавателем кафедры общего и славянского искусствоведения, дизайнером музейной экспозиции Светланой Игоревной Майоровой в дар музею был передан болгарский женский традиционный костюмный комплекс.

На фартуке (престилке) – самом важном элементе женского костюма расположены вышитые крупные цветки розы, яркого розового цвета. Такие цветы выращивают в знаменитой Долине Роз в Казанлыке в Болгарии. Сюда розы были завезены из Сирии еще в XIII в., но в местных условиях они преобразовались в совершенно самостоятельный вид.

В Болгарии розы выращивают повсюду, а в Казанлыке каждый год проводят Фестиваль Роз [11].

Изучение и расшифровка семантики народных славянских орнаментов достаточно сложный процесс и находится в настоящий момент на стадии сбора материала. Наиболее изучен смысл и значение геометрического орнамента, во многом связанного с древнейшими представлениями о структуре мира.

Несомненно, что не только геометрический, но и растительный орнамент имеет глубокое содержание, особенно флоральные мотивы, распространенные в культуре славян.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Буткевич Л.М.* История орнамента. М.: Владос, 2014.
2. *Михайлова Л.В.* Искусство растительного орнамента в практике российского текстиля конца XIX – начала XX веков (история и современность). Автореферат дис. ... канд. искусствоведения. СПб, 2011.
3. *Мельников Г.П.* О специфике историко-культурной традиции сербского народа // Вестник славянских культур. М.: ГАСК, 2001. № 4. С.12-14.

4. *Стасов В.В.* Русский народный орнамент. Вып. I. СПб, 1872.
5. Личный архив автора. Запись беседы в Гданьске во время поездки в Польшу в рамках Миротворческой миссии «Юность славянского мира» Государственной академии славянской культуры. 12-18.04.2008.
6. *Ранджелович Светлана.* Народные сербские орнаменты и узоры. // сайт Ваша Сербия – URL <http://44serbia.ru/narodnyie-serbskie-ornamentyi-i-uzoryi/> - Дата обращения 15.11.2017.
7. *История польского костюма.*
URL <http://nasekomie.ru/forum/viewtopic.php?t=6107> – Дата обращения 15.11.2017.
8. URL https://www.votpusk.ru/country/dostoprим_info.asp?ID=20581 - Дата обращения 15.11.2017.
9. *Пересыпкина Валерия.* «Косовские пионы»: «история несчастья повторяется». URL <http://st-vedomosti.ru/articles/2014/06/25/«косовские-пионы»-«история-несчастья-повторяется»> – Дата обращения 15.11.2017.
10. URL <https://svitmam.ua/user/lyubimowa/posts/83278> - Дата обращения 15.11.2017.
11. URL <https://vicamilleri.com/rozi-bolgarija/> - Дата обращения 15.11.2017.

*Елена Сергеевна Пак,
кандидат культурологии, доцент
кафедры лингвистики и МКК ИСК
«РГУ им. А.Н. Косыгина»*

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ АМБИВАЛЕНТНОГО ИМИДЖА РОССИИ В ЕВРОПЕ (НА ПРИМЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ИСПАНИЕЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА)

THE ORIGIN OF FORMATION OF THE AMBIVALENT IMAGE OF RUSSIA IN EUROPE (RUSSIA - SPAIN AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY)

***Abstract:** The article considers the sociocultural origin of the present image of Russia in Europe by means of investigating the relations of Russia with the definite European country – Spain - at the beginning of the 20th century.*

***Keywords:** ambivalent perception, image of Russia in Europe, Russian culture, Russian politics, sociocultural relations, Spanish culture, Spanish politics, stereotypes.*

Современный имидж России, русской нации и русской культуры в Европе складываются не только из фактов настоящего времени, общественно-политической жизни, искаженных СМИ. Значительную роль играют

стереотипы прошлого, заложенные гораздо ранее, и которые сохраняются в исторической памяти людей. Имидж выстраивается как мозаика из информации по телевидению, глобальной сети, книг, зависит, во многом, от самого индивида, его персонального интереса, а также от его окружения. Впечатления о том или ином народе у представителей разных поколений могут отличаться кардинальным образом, что связано с наличием или отсутствием того или иного жизненного опыта, индивидуального или на общенациональном уровне, непосредственного контакта с той или иной страной, сменой источников информации, с влиянием исторических событий, очевидцем которых являлся индивид. Приехав в Европу можно столкнуться с таким явлением, как резко негативное нескрываемое отношение к русским, пережить культурный шок. В частности, автор этой статьи столкнулась однажды с подобным на улице Испании со стороны пожилого резидента. Такие ситуации нельзя назвать типичными, особенно если речь идет об Испании, однако подобные инциденты заставляют задуматься и попытаться понять, что за этим стоит, обратившись к истории межкультурной коммуникации двух стран. Что интересно, негативное отношение свойственно именно отдельным представителям старшего поколения, в то время как молодежь более открыта к позитивному диалогу, дружелюбна и практически лишена каких бы то ни было предрассудков. Это помогает понять, что предпосылки заложены гораздо ранее.

Трансформация этнокультурного восприятия России в Европе, в частности в Испании – объемная тема, предполагающая глубокое и многостороннее освещение. В рамках данной статьи в виду лимита объема, предлагается рассмотреть исторический период - начало XX в., примерно до 40-х годов, поскольку именно в этот период произошел наиболее очевидный «раскол восприятия» России в Европе и во всем мире. Особенно ярко и показательно это можно продемонстрировать на примере Испании, пережившей идентичные с Россией исторические события. Гражданская война в Испании разделила страну на два противоборствующих лагеря, что само по себе предполагает амбивалентность, резкий контраст восприятия России как союзника Испанской Республики и главного врага Испании Франко.

Для освещения данной эпохи, важно отметить, что до XX в. характер отношений двух держав был преимущественно дружественный. Это определялось тем, что России и Испания неоднократно выступали в качестве военно-политических союзников. Социокультурные и политические представления испанцев о России в XVI - XVII веке особенно ярко отражены в испанской драматургии: гениальный испанский драматург Лопе де Вега посвятил русской смуте времен Ивана Грозного пьесу «Великий князь Московский или Преследуемый Император», а П.Кальдерон написал философскую драму «Жизнь есть сон», одним из главных действующих лиц которой является князь Московии. Эти произведения являются яр-

ким свидетельством того, что в Испании XVI-XVII вв. уже было известно о русской земле, и события российской истории и современности вызывали живой интерес. Необходимо отметить, что указанные произведения наряду с уважительным восприятием русского государства отражают представления Руси как о далекой, грозной стране с варварскими политическими порядками и религиозной структурой, чуждой для католико-мусульманской Испании этого периода. Таким образом, признаки амбивалентности обнаруживаются еще задолго до XX в.

Что касается непосредственно начала XX в., следующие важные события, связанные как с межкультурной коммуникацией России и Испании за этот период, так и с изменениями внутри этих стран, сыграли значительную роль в трансформации имиджа России: войны и революции, неоднократное свержение политических режимов, глобальные перемены в экономике, развитие новейших научных технологий в сфере связи, коммуникации и других областях.

Уж с конца XIX в. общество России и Испании переживало сильнейшее социальное и идеологическое напряжение, которое привело к острым социально-политическим конфликтам. Несомненно, восприятие России и русской культуры, интерес к ним испанцев в начале XX в. обусловлены событиями социокультурной и политической жизни, происходящими в Испании. В испанском обществе рубежа XIX-XX вв. формируются противоречивые идеи социального обустройства - анархистские, фашистские, социалистические, националистские и др. В соответствии с неоднородностью самого общества Испании как субъекта восприятия, образ России в данный период характеризуется резко очерченной амбивалентностью. С одной стороны, на формирование имиджа влияет пропаганда франкистов (поддерживающих режим генерала Франко – союзника Гитлера), направленная на создание черных политических мифов о стране Советов как о воплощении дьявольских сил; с другой стороны – солидарность испанских антифашистов (поддерживающих режим Республики) с русскими социалистами формирует восприятие советского народа как братского, с которым объединяет общая великая цель.

Еще до начала войны 1936-го года в Испании основатели испанской Фаланги (от Falange Española - ультраправая политическая партия) начали разрабатывать идеологическую концепцию, включающую негативный образ русских, используя при этом письменные, устные и изобразительные средства массового воздействия (плакаты, рисунки). Пропаганда испанского фашизма использовала идеи католицизма в своих целях, была направлена на утверждение идеи о миссии искупления человеческого рода, возложенной на испанскую нацию, роли генерала Франко как исполнителя этой миссии: «Испанец, по определению, это средоточие добродетелей... Гражданская война – начало крестового похода на неверных. ... борьбу ведут истинные испанцы с их противниками - с русскими и их

агентами» [2, с.491]. Врагом данной идеологии выступала страна Советов как олицетворение безбожия, безбожной власти, кощунств над всем святым. Надо признать, что не безосновательно. Противопоставлены христианской Испании Франко и безбожной Советской России ярко представлено в поэзии и прозе испанских антикоммунистов - Х.М. Пемана, М. де Гонгоры, А. де Фоша и др.

Не только испанские франкисты и националисты, но и европейские державы пропагандировали антисоветские настроения, поскольку начало гражданской войны в Испании связывалось с активностью советского Коминтерна [3, с.202]. Средства массовой информации выдвинули обвинения СССР в разжигании европейской войны, желании господствовать в Европе [3]. Антисоветская пропаганда была выгодна и Гитлеру, который способствовал ее развитию и использовал для разрушения мира между потенциальными союзниками. В это время с особенной агрессией активизировались негативные стереотипы, возникшие во времена Петра I, когда, по мнению современного политолога Мединского В.Р., сформировались основные политические мифы о России – о пьянстве, лени, жестокости, произошла трансформация литературных и бытовых мифов в политические [4].

Противоположной тенденцией восприятия России выступает позиция испанских республиканцев, выразивших солидарность с Советским Союзом. Известие о революции в России в этих кругах Испании было встречено с волнением и стало дополнительным стимулом для решительных действий: «Да здравствует Ленин!» [1, с.142], «Да здравствует Россия!» [5, с.35] - писали тогда на плакатах. Россия в данном контексте предстает в образе передового государства, сумевшего совершить грандиозный социокультурный и политический переворот. Октябрьская революция в России оказывается центром, вокруг которого объединяются передовые умы, воспринимается как призыв к действию, активному переустройству, выступает образцом для подражания. Об этом свидетельствуют в своих мемуарах многие великие испанцы того времени: Л. Бунюэль («На последнем дыхании»), Ф.Лорка («Федерико и его мир»).

Позитивная сторона образа России отчетливо прослеживается по биографии и творчеству многих испанских писателей и поэтов, деятелей науки и культуры того времени. Многие из них посещали Советский Союз, читали лекции, принимали участие в научных съездах и конференциях. Среди них писатель, драматург, поэт, представитель «поколения 1898 года», антифашист, Р.М. дель Валье-Инклан; писатель, поэт и музыкальный критик, переводчик русской поэзии на испанский язык, С.М. Арконада; известный испанский поэт и драматург, Рафаэль Альберти и многие другие. Альберти считается «настоящим певцом» И.В.Сталина и сталинизма [6], называет вождя отцом, учителем и товарищем, который никогда не умрет. Сталин и Ленин выступали культовыми фигурами, воплощением

революционных и коммунистических идей, поэтому поклонение сталинизму, восхищение советской культурой – неотъемлемая часть образа России начала XX в. среди разделявших эти идеи.

Описание и осмысление трагедий начала XX столетия, многочисленные свидетельства о взаимопомощи испанцев и русских сохранились в дневниковых записях и воспоминаниях так называемых «детей войны» («*niños de la guerra*») - испанцев, детьми эвакуированных в Советский Союз с началом гражданской войны в Испании. Жизнь их в СССР была непростой, но они с благодарностью отзываются о великодушии народа. Благодаря воспитанию в школах на русском и испанском языках, они получили возможность остаться испанцами. Здесь важно упомянуть роман «Белое на черном» Гальего Рубена, одного из испанских беженцев, инвалида – колясочника, описавшего без прикрас ужасы советского приюта. Название романа само говорит о двойственности действительности. Несмотря на нищету, разруху, неустроенность все же Рубен умеет смеяться над этим и помнит о тех, кто ему помогает выжить.

Хотя события начала века несколько ограничили возможный культурный диалог между двумя странами, однако не смогли полностью прервать взаимодействие двух культур в области музыки, литературы и искусства. Для двух стран рубеж веков знаменателен культурным ренессансом, который обозначается как серебряный век испанской литературы (период с 1874 г, реставрации монархии по 1936 г, начала Гражданской войны в Испании) и русской поэзии (с 1890-х гг. до 1920-х гг.).

Довоенное время характеризуется усилением двустороннего культурного диалога и взаимообогащения, связанного с именами советских и испанских музыкантов: гитариста А. Сеговии, композиторов М. де Фальи, П. Казальса, С. Прокофьева, И. Стравинского, Д. Шостаковича. С огромным успехом проходят концерты советских музыкантов в Европе. Интерес к русской музыке в Испании увеличивается благодаря историческим постановкам «Русского Балета» под руководством С.П. Дягилева, популярным в Европе в 10-е-20-е гг. XX в. (известный испанский художник Пабло Пикассо принимал участие в декорации балетов), а также гастролям Хора донских казаков С.А. Жарова, получившего признание во всем мире. Среди современных испанцев и сейчас наблюдается большой интерес к хорошему пению, к культуре казаков, представляющих традицию пения, танца и образа жизни, отличную от испанской. Моделью активного межкультурного взаимодействия испанской и русской культурной элиты является Париж 10-х-20-х гг. XX в., который становится центром художественной жизни. Сюда для взаимообогащения, поиска новых направлений в искусстве устремляются художники и поэты из разных стран Европы, в результате чего происходит не только рождение новых типов искусства (например, авангарда), но создаются русско-испанские семьи (наиболее известные

примеры – П. Пикассо и О.Хохлова, С.Дали и Е.Дьяконова, С.Прокофьев и Л.Кодина).

Таким образом, для указанного периода характерно следующие особенности: амбивалентность имиджа России, его резкое разделение на негативный и позитивный полюс восприятия. С одной стороны, Советская Россия - Империя зла, осуществляющая «красный» (значит кровавый) террор, восприятие русских как нечистой силы. С другой стороны, русская революция выступает образцом для подражания, символом свободы, равенства и братства, а СССР – передовой страной, совершившей грандиозный переворот: усиливается интерес ко всему русскому и советскому как к современному, высокую оценку получают русское искусство - музыка, живопись, литература.

Специфика испанского восприятия русской культуры во многом определяется особенностями исторического опыта Испании, уникальностью испанской картины мира, которые способствовали формированию своеобразного взгляда и отношения к ценностям русской культуры, а также особенностями межкультурного и политического взаимодействия России и Испании на протяжении XX и ранее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вилар П.* История Испании. М.: АСТ: Астрель, 2006. 222 с.
2. *Давиденко М.Д.* Образ русского как нечистой силы в национал-католической Испании// Пограничные культуры между Востоком и Западом (Россия и Испания): [Материалы II Междунар. коллоквиума / Отв. ред. В.Е. Багно]. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга, 2001. 528с.
3. *Малай В.В.* Международные аспекты Гражданской войны в Испании 1936-1939 гг. Дисс. доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2004. 461с.
4. *Мединский В.Р.* О русском пьянстве, лени и жестокости. М.: Олма Медиа Групп, 2008. 526с.
5. *Платошкин Н.Н.* Гражданская война в Испании. 1936-1939 гг. М.: Олма-Пресс: Крас. пролетарий, 2005. 478с.
6. <http://www.libreopinion.com/members/memoriapamiat/alberti.htm>

*Елена Евгеньевна Рыбакова,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского технологического
университета (МИРЭА)*

К ВОПРОСУ О ДИАЛОГЕ ИСПАНСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР

THE ISSUE OF THE SPANISH AND ENGLISH LINGUOCULTURES DIALOGUE

***Abstract:** The article treats the questions and various aspects of intercultural dialogue as a key approach to the understanding of contemporary culture of Great Britain and Spain and their interaction.*

***Keywords:** culture, England, intercultural communication, intercultural dialogue, multidisciplinary approach, precedental text, Spain.*

В свете текущих мировых культурных и политических процессов особый интерес к межкультурному диалогу ряда стран не теряет актуальности. Данный интерес обусловлен, в первую очередь, стремлением понять мотивы и особенности ведения диалога между странами, зачастую, во избежание конфликтных ситуаций.

Так, диалог Испании (и испаноязычных стран) и Англии являет собой яркий пример развития долгих и непростых отношений, которые представляют собой примету времени. Как известно, диалог изначально и на всём протяжении складывался довольно сложно: постоянное соперничество двух мощнейших государств, англо-испанская война, разгром Англией Непобедимой Армады, сложные отношения в период Первой мировой войны и во время Гражданской войны в Испании 1936-39 гг. и, соответственно, были периоды разрыва контактов, равно как были периоды возобновления диалога, при этом довольно активного. Актуальность рассмотрения динамики межкультурного диалога данных стран заключается именно в нынешнем этапе, в связи с процессами, происходящими в зоне Европейского Союза, ибо это территориально-экономическое пространство способствует межкультурным контактам.

В контексте межкультурного диалога нам представляется логичным упомянуть понятие «культура», понимаемое как совокупность духовных и материальных достижений и ценностей. «В широком смысле культура есть совокупность проявлений жизни, достижений и творчества народа или группы народов» [6, с. 229].

Целесообразность рассматривать взаимодействие данных стран не просто как интеракцию культур, но как лингвокультур, заключается в том,

что материальное отражение этого «диалога» возможно зафиксировать лингвистическим способом, то есть непосредственно в языковых единицах. Лингвокультура, являясь термином относительно новым, имеет ряд определений, в которых авторы выделяют тот или иной его аспект в рамках теории культуры [5]. Наиболее полным нам представляется определение лингвокультуры В.В. Красных. Она определяет лингвокультурологию как «дисциплину, изучающую проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе, непосредственно связанную с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса», а лингвокультуру ученый определяет, соответственно, как культуру, воплощенную и закрепленную в знаках языка, представленную в языке и через язык [4, с. 70].

Таковыми языковыми единицами являются тексты: литературные тексты, тексты песен, в частности, которые, в то же самое время, являются и прецедентными текстами.

Что собой представляет прецедентный текст? В самом общем смысле прецедентный текст – это цитата, выдержка; но данная цитата имеет лингвокультурное значение и масштаб. Термин «прецедентный текст» был впервые использован Ю.Н. Карауловым. Под прецедентным текстом он подразумевал текст, хорошо известный широкому окружению личности, включая ее предшественников и современников; тексты, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [3, с. 216].

Что касается прецедентных текстов в культуре англоязычных стран, то здесь следует отметить то, что непосредственно прецедентный текст как лингвокультурная единица входит в состав прецедентных феноменов (ПФ). Помимо прецедентного текста (например, «*Imagine nothing to kill or die for*» - знаменитая цитата из песни Джона Леннона «*Imagine*») в ПФ входят прецедентные высказывания (например, «*All men are brothers*» - известное изречение Конфуция), прецедентные имена (например, *Bushtcher*; с помощью объединения двух лексем «*Bush*» и «*butcher*» создается полисемантический эффект в тексте лозунга) и прецедентные ситуации. Также интересным примером ПТ (здесь, прецедентное имя) является следующий: «*When Adam delved and Eve span who was the gentleman?*» - «Когда пахал Адам и пряла Ева, где стояло родословное древо?» Данная реалия используется для выражения иронического отношения к человеку, который кичится своей родословной.

Основными источниками прецедентного текста в англоязычной среде являются:

- 1) классические и близкие к классическим произведениям литературы (У. Шекспир и прецедентное высказывание – «*To be or not to be?*»);
- 2) кинематография и мультипликация (здесь можно привести в качестве примера названия многих фильмов; а прецедентное имя мультипликаци-

онного героя *Шрек* является символом полного человека);

3) афоризмы;

4) песни («*Yesterday*» Beatles);

5) рекламные тексты, анекдоты;

6) политические плакаты, лозунги («*An impeachment in the hand is worth two Republicans in the Bush*» - декомпозиция синтаксической единицы «*A bird in the hand is worth two in the bush*» - «лучше синица в руках, чем журавль в небе») [2].

Что касается прецедентного текста в *испанской лингвокультуре*, то его источниками так же являются:

1) классические произведения литературы (самое прецедентное произведение - «Дон Кихот» Мигеля Сервантеса);

2) кинематограф (испанский кинематограф на сегодняшний день широко известен во многом благодаря работам П. Альмодовара);

3) рекламные тексты;

4) газетные статьи – пожалуй, наибольшее количество метафоризированных терминов содержится в политической сфере современной прессы Испании, в меньшей степени они представлены в статьях, посвященных экономической и социокультурной тематике. Если рассматривать материалы главного национального периодического издания *El País*, то можно заметить, что примерно 70% статей посвящено теме именно политической, а затем уже социальной и экономической. К примеру, заголовок первой полосы газеты от 10 ноября 2017 года: «*Forcadell acata la legalidad y evita la prisión incondicional*» («Форкадель соблюла закон и избежала заключения»). Так, острая политическая тема стала прецедентным текстом – нет необходимости предоставлять дополнительный контекст [7, с. 1].

Говоря о взаимодействии лингвокультур Испании и Англии, нельзя не упомянуть такой лингвистический феномен, как *Spanglish*, *Espanglish* (испанское версия). Одно его существование свидетельствует о том, что английский и испанский языки, являясь одними из самых распространенных языков в мире, имеют множество точек соприкосновения, а также взаимный интерес. В пользу последнего говорит увеличившееся количество школ английского языка на территории Испании.

То, что обычно трактуется как *Spanglish* и внешне похоже на него, оказывается семантически и коммуникативно мотивированным, например, эффективным для создания виртуального пространства: *is communication binaria / el acto de reciprocidad signica / lo lingüístico única detracción en el contrato / paratacto paratáctico... // una mirada llevar hondo / hoyo / pasto: / is a serpens / y ver que el mítico / místico chupacabras / una zorra / la hiena hambrienta / el mapache adusto / el león rey / the lobo lobito (Minerva Reynosa) [8]. В композициях мексиканской поэтессы Минервы Рейносы фигурируют одновременно и англоязычный змий (*is aserpens*), и традиционное для большого испаноязычного ареала мифическое существо *chupacabra*. Анг-*

лийский язык в новейшей поэзии используется в коммуникативных целях – адресации некоторой целевой и возрастной аудитории, знающей определенные термины именно в английском варианте; это, в основном, названия музыкальных групп, песен, альбомов, кинофильмов и некоторые простые коммуникативные высказывания. Еще одним примером может служить ряд стихотворений, идущих друг за другом, испанского поэта из Сан-Себастьяна Харкаица Кано: *Lección sobre poesía (Kill Bill)*; *When we were young*; *La Guerra de las Galaxias*. «Kill Bill» – название фильма Тарантино; «When we were young» – название известной песни альтернативной рок-группы «The Killers» (2006); таким образом, англоязычные названия образуют внутренний гипертекст, семантика которого позволяет связать их в мини-цикл [1].

Также стоит отдельно выделить тексты песен как один из наиболее динамичных пластов современной культуры. Текст песни является одновременно материальным отражением культуры духовной, коммуникативной и представляет собой прецедентный текст. Последние несколько лет отмечается повышенный интерес к испаноязычным исполнителям, которые, в свою очередь, пользуются популярностью во многих странах, в том числе и англоязычных. Здесь можно увидеть взаимно направленное влияние лингвокультур: использование испанских фраз в текстах англоязычных исполнителей и наоборот.

Таким образом, в рамках современных социокультурных и политических событий, развитие диалога Испании и Англии представляется закономерным. Среди жителей Испании прослеживается положительная динамика в восприятии культуры и изучении английского языка; при этом для многих испанцев овладение английским языком носит не только прикладной характер. Сегодня массовая культура является отражением, «лакмусовой бумажкой», межкультурного диалога Испании и Англии. И мы наблюдаем как англицизмы, так и испанизмы в лингвокультурах рассматриваемых стран. И можно заключить, что с точки зрения владения языком и эффективной коммуникации, необходимо, по крайней мере, знать, что существует такая лингвокультурологическая единица как прецедентный текст. Более того, прецедентный текст способен как значительно затруднить, так и способствовать эффективной социо- и межкультурной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азарова Н.М.* Межъязыковое взаимодействие в современной испанской и мексиканской поэзии // *Вопросы иберо-романистики: Сборник статей.* Выпуск 12. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 136-145.
2. *Должикова С.Н.* Прецедентные феномены в английском языке. [Электронный ресурс]. http://journal.kfrgteu.ru/files/1/2011_2_18.pdf (Дата обращения – 01.04.2017)

3. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
4. *Красных В.В.* Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации // Вестник Центра международного образования Московского гос. ун-та. Серия «Филология. Культурология. Педагогика. Методика». 2012. №3. С.67-74.
5. *Федоров М.А.* Термин «лингвокультура» в аспекте теории культуры. [Электронный ресурс]. <https://cyberleninka.ru/article/n/termin-lingvokultura-v-aspekte-teorii-kultury> (Дата обращения: 07.12.2017)
6. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 229.
7. *Rincón R., Pérez F.J.* Forcadell acata la legalidad y evita la prisión incondicional // El País. 2017. №14.735. С. 1.
8. *Reynosa Minerva.* Atardecer en los suburbios. [Электронный ресурс]. <http://www.par-tres.com/minerva-reynosa> (Дата обращения: 10.12.2017)

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ
И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**КАФЕДРА ЛИНГВИСТИКИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
ИНСТИТУТА СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Выпуск 2(6)

Научное издание

Подготовлен к печати на кафедре лингвистики и межкультурной
коммуникации Института славянской культуры

Печатается в авторской редакции

Техническое редактирование и подготовка макета к изданию
Николаева Н.А., Строганова Г.В.